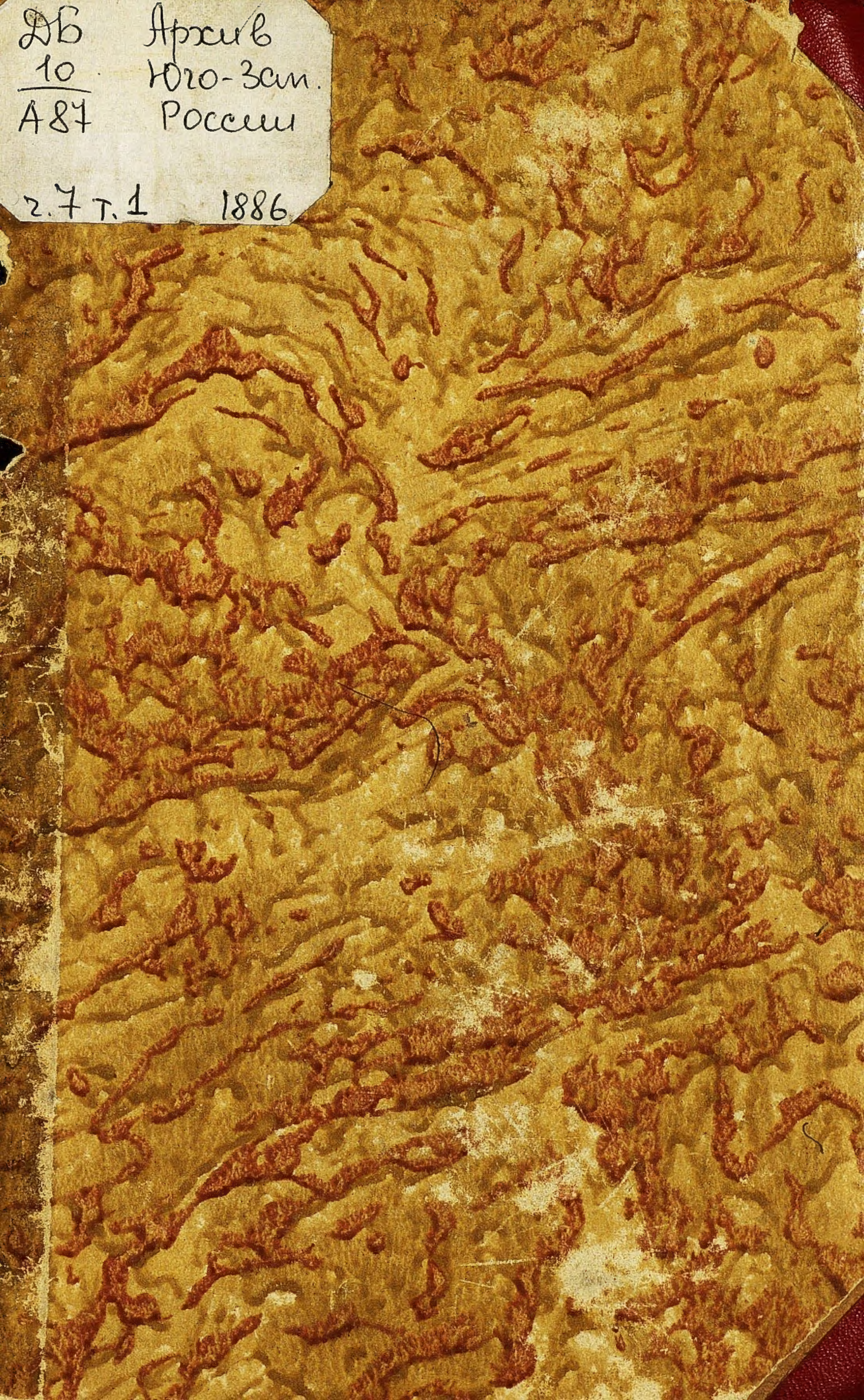

ДБ
10
А87
Архив
Юго-Зап.
России
ч. 7 т. 1
1886

АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

Ч. VII. Т. I.

Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайловская улица, собствен. домъ.
1886.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя Кіевской Археографической Коммиссіи.

Населеніе Юго-Западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ акты, объясняющіе исторію заселенія юго-западнаго края съ XV в. Вопросъ о населеніи заключаетъ въ себѣ нѣсколько различныхъ частныхъ вопросовъ, а именно: 1) о населенности, т. е. густотѣ населенія и географическомъ распредѣленіи его въ разныя эпохи, временномъ паденіи численности населенія и возстановленіи ея (колонизаціи); 2) объ этнографическомъ составѣ населенія т. е. о томъ, было ли оно всегда однороднаго племеннаго состава (русское), или во время періодическихъ приливовъ и отливовъ населенія въ слѣдствіе опустошеній и новой колонизаціи, измѣнялся и внутренній—племенный составъ его примѣсью чужеземныхъ элементовъ? 3) о соціальномъ составѣ его, т. е. о классахъ, на которые распадалось населеніе и которые въ разные времена въ той или другой мѣстности имѣли преобладающее значеніе.

Послѣднему изъ этихъ вопросовъ коммиссія посвятила уже нѣсколько томовъ въ прежнихъ своихъ изданіяхъ (ч. IV т. 1—о происхожденіи шляхетскихъ родовъ; ч. V, т. 1—о

городахъ, ч. VI т. 1—2—о крестьянахъ, ч. III т. 1—2—о козакахъ, и т. 3—о гайдамакахъ и приготовленный къ выходу томъ о евреяхъ). Хотя и въ настоящемъ томѣ найдется не мало новыхъ данныхъ по вопросу о соціальномъ строѣ населенія; но главное содержаніе публикуемыхъ теперь документовъ относится къ вопросу о населенности и о племенномъ составѣ населенія.

Выпуская нынѣ лишь первую половину матеріаловъ о заселеніи южной Руси, мы ограничимся здѣсь во первыхъ указаніемъ задачъ, которыми руководилась коммиссія, посвящая свое новое изданіе указанному вопросу, во вторыхъ предварительными замѣчаніями о населеніи юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка, т. е. въ ту эпоху, до которой не доходятъ историческіе матеріалы, издаваемые коммисіею. Дальнѣйшія замѣтки о населеніи XV, XVI и XVII вв., на основаніи издаваемыхъ коммиссіею актовъ, будутъ даны при выпускѣ въ свѣтъ второй половины тома о заселеніи (находящейся въ печати).

I.

Исторія заселенія юго-западной Россіи имѣетъ живой и важный интересъ для уясненія судебъ не только этого края Русской земли, но и цѣлой Россіи въ ея отношеніяхъ къ восточному и западному міру. Благодаря такой (хотя и мало сознанной) важности предмета, составились двѣ теоріи, одинаково крайнія и взаимно-противоположныя. По мнѣнію однихъ, населеніе южной Руси носитъ явные слѣды туранскаго элемента (тюрко-татарскаго), что́ будто бы произошло отъ долговременнаго прилива тюркскихъ племенъ въ эту страну по мѣрѣ истребленія ими древне-славянскаго населенія. Уже въ древній періодъ (до пол. XIII в.) непрерывный рядъ смѣнявшихъ другъ друга вліяній хозаръ, печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ, черныхъ клобуковъ и половцевъ долженъ былъ съ юга съузить территорію славянскаго населенія и разбавить туземный этнографическій элементъ большою примѣсью азіатской крови. Татарское завоеваніе завершило этотъ рядъ побѣдъ туранства надъ европейскою Русью. Такъ, думаютъ, можно объяснить вообще образованіе этнографическихъ особенностей малороссійскаго племени. Эта такъ называемая туранская теорія, имѣющая немногихъ послѣдователей, насъ не интересуетъ теперь, хотя въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ будетъ сообщено нѣсколько фактовъ, небезполезныхъ для правильной оцѣнки ея выводовъ.

Наоборотъ другіе, въ особенности польскіе писатели, исходя изъ того же пункта опустошенія южной Руси татарами, приходятъ къ обратному выводу,—утверждая, что въ опустѣломъ краѣ явилась (съ XIII в.) новая этнографическая особь, мало имѣющая общаго съ древнею Русью; колонисты съ запада, именно изъ Польши, смѣшавшись съ остатками кореннаго населенія, положили будтобы основаніе новому племени, болѣе близкому къ лехитской расѣ, чѣмъ къ русской. По этой теоріи, заселеніе Руси силами Польши начинается съ крайнихъ западныхъ окраинъ русской земли въ XV в. было закончено заселеніе Руси Червоной съ старою Волынью и Подоліею; съ конца XVI и въ нач. XVII в. дошла очередь до украинскихъ пустынь южной Руси (по Любомірскому, уже въ пол. XVI в. заселены пустыни Брацлавскія и Подольскія). Участіе Польши въ быстрой, почти чудотворной колонизаціи южныхъ степей въ XVI—XVII в. не ограничивается мѣрами государственнаго благоустройства; здѣсь именно дѣйствуютъ будтобы племенныя (этнографическія) силы Польши; одинъ изъ польскихъ писателей выражается на этотъ счетъ такъ:

„Стремленіе къ выселенію на окраинные предѣлы было столь неудержимо, что земли *срединной Польши*, къ великому ущербу для себя, совершенно опустѣли, хотя тогда усиленно старались сдержать это зло, воспрещая во многихъ сеймовыхъ постановленіяхъ бѣгство хлоповъ и постановляя строгія наказанія для каждаго, кто сманиваетъ чужихъ подданныхъ“ [1]). Хотя это замѣчаніе относится къ времени заселенія украинныхъ пустынь съ конца XVI в., но можетъ служить для насъ иллюстраціею и того, какъ слѣдуетъ понимать мысль польскихъ писателей о первоначальномъ заселеніи Руси послѣ опустошенія ея татарами.

---

1) А. Яблоновскій: „Źródła dziejowe“, T. V, str. IX.

Въ свое время Грабовскій [1]) писалъ слѣдующее: „Отнятыя у азіатскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни, поляки мало по малу заселили, упрочивъ безопасность русичей, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину". То было сказано почти 30 лѣтъ тому назадъ; казалось бы, что мнѣнія и тогда казавшіяся устарѣлыми, уже не будутъ повторяться потомъ въ польской литературѣ, безъ всякой провѣрки и безъ новыхъ основаній. Однако подобные же взгляды продолжаютъ и донынѣ высказываться и (что удивительнѣе) именно такими учеными, которые положили первое основаніе изданію цѣнныхъ историко-географическихъ матеріаловъ, ведущихъ съ очевидностію къ выводамъ обратнымъ Между прочимъ, выводы Шайнохи [2]) и кн. Тад. Любомірскаго [3]) повторены въ общемъ видѣ г. Яблоновскимъ [4]). Этотъ послѣдній, уважаемый ученый, имѣетъ дѣло съ колонизаціею украинныхъ русскихъ пустынь въ концѣ XVI и нач. XVII в., а не съ первоначальнымъ заселеніемъ центральныхъ частей южной Руси; однако мимоходомъ и вкратцѣ повторяетъ общіе взгляды польскихъ писателей и на этотъ предметъ,—взгляды, очевидно, превратившіеся въ аксіому въ польской учено-исторической литературѣ. Приведемъ его слова: „Послѣ монгольскаго погрома, Русь не имѣла совершенно никакихъ силъ къ своему возстановленію и никогда не была бы въ состояніи исполнить это сама. Литва смогла только оборонить, обезопасить ее на время, но не могла ее поднять, заселить, привести въ порядокъ и наклонить къ европейской цивилизаціи. Такая историческая

---

[1]) „Записки о южной Руси" П. А. Кулиша, т. II.
[2]) „Zdobycze pługa Polskiego" въ „Szkicach historicznych", T. III.
[3]) „Północno-wschodnje wołoskie osady" (Sprawa włoscianska, T. I).
[4]) Żrodła dziejowe, T. V, Warszawa, 1877.

задача выпала на долю Польши; будучи для нея залогомъ фактическаго обладанія русскими землями и моральнымъ оправданіемъ этого обладанія, такая задача сдѣлалась съ теченіемъ времени ея высокою историческою миссіею. И эту задачу она выполняла тщательно и усердно" [1]). Съ удовольствіемъ должны мы отмѣтить, что нѣкоторые изъ польскихъ писателей не повторяютъ уже заблужденій своихъ соотечественниковъ.

До нѣкоторой степени, подобные польскимъ, были высказаны взгляды на этнографическій составъ населенія юго-западной Россіи со стороны нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Такъ, по мнѣнію М. П. Погодина, нынѣшнія особенности малороссійскаго племени не могутъ быть иначе объяснены, какъ предположеніемъ, что въ эпоху Батыя (и вообще татарщины) все древнее населеніе Кіевской Руси было частію истреблено, частію выселилось на сѣверъ Россіи (на территорію будущаго Московскаго государства), что на мѣсто его явилось совершенно новое населеніе съ Карпатъ, не жившее прежде общею жизнію съ другими русскими племенами, а потому отличающееся донынѣ отъ прочихъ русскихъ (великоруссовъ); новое населеніе Украйны не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ племенемъ полянъ, населявшихъ Кіевскую страну до татаръ. Хотя Погодинъ говоритъ о населеніи Украйны, но цѣль его теоріи—объяснить этнографическія особенности всего малороссійскаго племени, необходимо заставляетъ расширить предѣлы примѣненія его теоріи.

Такимъ образомъ вопросъ о населеніи юго-западной Руси поставленъ весьма давно. Столь-же давно противъ этихъ ошибочныхъ теорій о новомъ заселеніи юго-западной Руси, слышались правдивые голоса русскихъ писателей, не умолкающіе и до сихъ поръ. Еще Максимовичъ, въ полемикѣ съ Погоди-

---

[1]) Żròd. dz, T. V str. V II.

нымъ, старался установить правильный взглядъ на дѣло по одной части вопроса, именно по вопросу о мнимомъ опустошеніи Украйны татарами. Отразивъ произвольную гипотезу Погодина [1], онъ еще съ большею силою и мѣткостію далъ отпоръ польской теоріи Грабовскаго [2]). Но Максимовичъ, по свойственной ему манерѣ, обыкновенно касался важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ лишь въ краткихъ критическихъ ударахъ, которыми такъ сильно и вѣрно умѣлъ отражать всякое мнимо-ученое наѣздничество; хотя въ его сжатыхъ замѣткахъ совмѣщается нерѣдко богатство эрудиціи съ талантливымъ историческимъ чутьемъ, но въ нихъ лишь намѣчиваются вопросы, а отнюдь не разрѣшаются вполнѣ. По вопросу о заселеніи южной Россіи онъ самъ высказалъ слѣдующее: „Этотъ историческій предметъ требуетъ еще новой и подробнѣйшей разработки, какъ и вся вообще исторія Малороссіи въ три первыя эпохи ея жизни съ нашествія Батыева".

Съ тѣхъ поръ и до сего дня этотъ вопросъ въ русской исторической наукѣ не подвергся еще подробнѣйшей разработкѣ и далеко не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ, хотя по частямъ его касались многіе, какъ въ обще-историческихъ трудахъ, такъ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ. Во всякомъ случаѣ эти работы приближаютъ возможность будущаго полнаго разрѣшенія вопроса (на что отнюдь не претендуетъ составитель настоящихъ замѣтокъ).

Нельзя было бы и требовать отъ русской науки какихъ-либо рѣшительныхъ приговоровъ по данному вопросу, такъ

---

[1]) „О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ" (Рус. Бесѣда 1857, кн. IV; также Собр. сочин. I, 131—145.).

[2]) „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII в. (Рус. Бесѣда, 1857, кн. IV. Собр. сочин. I, стр. 248—276.).

какъ большая часть средствъ для его разрѣшенія, т е. древнихъ историко-географическихъ матеріаловъ, оставалась неизданною. Изданіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы обязаны упомянутому польскому ученому Яблоновскому, въ рукахъ котораго былъ однако матеріалъ неполный и нецѣльный (люстраціи, напечатанныя имъ въ 1877 году большею частію, представляютъ лишь краткія извлеченія изъ подлинныхъ) [1]. Кіевская коммиссія, уже съ давнихъ временъ издавала люстраціонные акты по частямъ [2]) и нынѣ старается пополнить этотъ существенный и огромный пробѣлъ въ научныхъ данныхъ по вопросу столь великой важности.

Хотя изслѣдованія русскихъ ученыхъ не обнимаютъ всего вопроса о заселеніи юго-западной Руси ни по пространству, ни по времени; но ими уже установлено нѣсколько точныхъ данныхъ; дополнивъ ихъ выводами, полученными изъ печатаемыхъ нынѣ матеріаловъ, мы можемъ свести и выразить ихъ въ слѣдующей общей схемѣ:

1) Опустошеніе страны татарами въ пол. XIII в. отнюдь не было полнымъ.

2) Новое заселеніе центральныхъ частей (Волыни и Галиціи) послѣ Батыева опустошенія въ XIII в. совершилось въ то время, когда Польша не могла имѣть на то никакого вліянія, ибо тогда существовало здѣсь совершенно независимое русское государство Даніила и его преемниковъ. Несмотря на повторявшіяся нашествія татаръ, населеніе возстановлено собственными силами русской націи (съ незначительною инородческою примѣсью) подобно тому, какъ одновременно такое же возстановленіе населенія совершилось

[1]) Żrodła dziejowe, T. V Lustracye królewszczyzn и T. VI Rewizya zamków ziemi wołyńskiej.

[2]) См. Памятники, т. IV (люстрація Волыни 1545 года); Архивъ ч. IV т. I (люстрація Овруча 1545 года), ч. VI т. I (люстрація Брацлавкаго замка).

въ сѣверо-восточной Руси. Главными колонизаторами въ эту эпоху явились князья: Даніилъ и Василько Романовичи, Владиміръ Васильковичъ и Левъ Даніиловичъ.

3) Въ первой половинѣ XIV в. территорія юго-западныхъ русскихъ княжествъ раздвоилась между государствами Литовскимъ (Волынь, Подолія, Кіевская и Черниговская земли) и Польскимъ (Галиція и часть Подоліи). Въ первомъ населеніе южныхъ окраинъ (Кіевской и Подольской) возстановлено въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно было до татарскаго завоеванія, и отчасти подвинуто далѣе въ степи къ Черному морю, благодаря военной дѣятельности Гедимина и организаторской предпріимчивости Ольгерда, Александра Ольгердовича Кіевскаго и его потомковъ, а также князей Коріатовичей(на Подоліи) и Витовта.

Хотя и въ началѣ XV вѣка южная Русь множество разъ была опустошаема вновь татарами, но населеніе ея возстановлялось въ тѣхъ же предѣлахъ (до нашествія Менгли-Гирея 1482 года) безо всякой помощи со стороны Польши. Литовскіе князья, дѣйствительно, защитили южные предѣлы русскихъ земель и подвинули не литовскую, а русскую колонизацію, сами усвояя весьма быстро русскую національность.

Наоборотъ въ украинныхъ степяхъ Червоной Руси, т. е. части Подоліи, которая захвачена поляками, не видно никакихъ успѣховъ колонизаціи; тамъ раздаются польскимъ шляхтичамъ большею частію готовыя населенныя имѣнія.

4. Въ 1482 и слѣдующихъ годахъ произошло вторичное громадное опустошеніе почти всей территоріи юго-западной Руси, но въ особенности украинныхъ мѣстъ Кіевской земли; здѣсь уцѣлѣли почти одни укрѣпленныя мѣста и поселенія вокругъ замковъ. Наставшее за тѣмъ запустѣніе продолжалось и въ 1-й половинѣ XVI вѣка. Но съ этимъ новымъ опустошеніемъ совпадаетъ начало обратнаго наступательнаго движенія русской національности на татарскія степи въ

формѣ Днѣпровскаго и Бужскаго козачества. Явленіе это есть самостоятельная попытка русскаго населенія обезпечить наконецъ свою территорію отъ нападеній съ юга,—попытка, предпринятая вопреки правительственнымъ цѣлямъ Литовскаго государства. Козачество само въ себѣ есть національно-русское явленіе; составъ козацкихъ обществъ не есть сбродъ людей всякой національности; главнѣйшій контингентъ его доставляетъ Волынь, Полѣсье, Сѣверщина и Бѣлоруссія, отчасти сѣверно-русскія земли (Московское государство), но не Польша. Сосѣднія польскія провинціи, напротивъ, отвлекали колонизацію отъ степей къ себѣ, такъ что замѣчается обратное движеніе русскаго населенія въ Польшу.

5. Со времени уніи 1569 года, Польша въ первый разъ получила возможность дѣйствительнаго прямаго вліянія на судьбу юго-западной Руси, ибо воеводства Кіевское, Брацлавское, Подольское и Волынское присоединены непосредственно къ территоріи Польскаго королевства. Съ этимъ событіемъ совпадаетъ (въ концѣ XVI вѣка) огромный и быстрый приливъ колонизаціи въ южно-русскія степи. Это обстоятельство и служитъ неосновательною опорою изложенной выше теоріи польскихъ писателей о заслугахъ Польши въ дѣлѣ заселенія опустѣлой Руси. Дѣйствительно, это было дѣломъ Польши, но отнюдь не заслугою ея. Не Польша высылала колонистовъ въ пустыя украйны изъ-за желанія имъ блага, а наоборотъ населеніе бѣжало изъ внутреннихъ населенныхъ мѣстъ Руси отъ утверждающихся тамъ польскихъ порядковъ (шляхетства и крѣпостнаго права) вслѣдствіе уніи 1569 и отъ религіозныхъ смутъ, возбужденныхъ уніею 1596 года. Въ степяхъ закипѣла новая жизнь; степи, отъ вѣковъ не имѣвшія славянскаго осѣдлаго населенія, наполнились селами, мѣстечками, даже городами, подъ прикрытіемъ военной общины Запорожья. Всѣ эти поселенія наполнялись выходцами не изъ Польши, а Волыни, Сѣверщины, населен-

ныхъ частей Кіевской земли и сѣверо-западной Руси, въ ущербъ густотѣ населенія этихъ послѣднихъ и къ отягченію участи оставшихся на мѣстѣ. Бѣглецы надѣялись на новой дѣвственной почвѣ укрыться отъ преслѣдованія новыхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ и тамъ продолжать или возсоздать древне-русскія начала общинной жизни. Но напрасно. Польское правительство и дворянство тотчасъ воспользовалось этимъ явленіемъ, чтобы расширить предѣлы шляхетской колонизаціи чрезъ раздачу новыхъ земель польскимъ и ополяченнымъ-русскимъ магнатамъ. „Непослушная" козачина (какъ она именуется въ люстраціяхъ) сначала не давала отпора шляхетству, гнавшемуся по его слѣдамъ, такъ какъ поселенцы пользовались долговременными льготами (до 30 лѣтъ) отъ всякихъ повинностей, работъ и платежей; но, когда къ 20 годамъ XVII вѣка срокъ этихъ льготъ истекъ и началось дѣйствительное примѣненіе шляхетской власти, то протесты начались въ формѣ козацкихъ возстаній. Когда такія возстанія были подавлены, то тотчасъ обнаружился подлинный характеръ польскаго вліянія на колонизацію степей: огромныя массы поселенцевъ уходили въ за-Днѣпровье внутрь украинныхъ степей Московскаго государства. Такимъ образомъ польскіе порядки, начавшіеся съ 1569 года, въ концѣ концовъ привели къ уменьшенію населенія сначала въ центральныхъ мѣстахъ южной Руси, а потомъ и къ новому запустѣнію степей; они невольнымъ образомъ содѣйствовали заселенію сосѣдняго государства въ ущербъ собственнаго. Между тѣмъ дома на территоріи южной Руси польско-шляхетское землевладѣніе продолжало идти по пятамъ козацкой колонизаціи; не привлекало ее, а гнало все дальше къ порогамъ Днѣпра и къ южному Бугу, пока гонимое населеніе не обернулось назадъ и не дало роковаго отпора на Жолтыхъ Водахъ и при Корсунѣ и не погнало шляхетскую колонизацію обратно къ берегамъ Вислы (при Богданѣ Хмѣльницкомъ).

6. Событія эпохи Хмѣльницкаго, громадныя битвы и повсемѣстная народная борьба уменьшили вновь населенность юго-западной Руси; но побѣды Богдана за то привлекли въ край новыхъ переселенцевъ изъ другихъ частей Литовскаго государства, такъ что ко времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству населенность этой страны является (въ переписяхъ, составленныхъ Московскими чиновниками въ 1654 году) весьма значительною. Обратное занятіе правобережной Украйны и возникшія отсюда смуты 2-й половины XVII вѣка вновь вызвали здѣсь уменьшеніе населенія чрезъ бѣгство его въ Московскую слободскую украйну. Правда, потомъ новыми чрезвычайными льготами польскіе землевладѣльцы опять (въ началѣ XVIII вѣка) привлекали къ себѣ поселенцевъ на правый берегъ Днѣпра, между прочимъ и изъ тѣхъ, которые ушли-было въ предѣлы Россіи, но потомъ, по минованіи срока обманчивыхъ льготъ, наступили старыя бѣдствія польско-козацкихъ смутъ, взаимнаго истребленія двухъ славянскихъ народовъ въ братоубійственной рѣзнѣ (гайдамачинѣ). Колонизаціонное движеніе въ степныя мѣста—къ Черному морю съ этой стороны прекратилось.

7. Окончательное заселеніе степей до Чернаго и Азовскаго морей совершено уже силами Русскаго государства, которое въ половинѣ XVIII вѣка охватило своими новороссійскими колоніями южные предѣлы польскаго королевства, такъ что еще при существованіи Рѣчи Посполитой колонизаціонная миссія ея окончательно уступлена ею сосѣду. При этомъ Имперія русская пользуется для заселенія главнымъ образомъ тѣмъ же этнографическимъ южно-русскимъ матеріаломъ. Послѣднія явленія, впрочемъ, совершенно выходятъ за рамки нашей задачи, переходя въ иную страну (Новороссію).

Изъ этой общей схемы движенія южно-русской колонизаціи выдается, какъ поражающій фактъ, живучесть и устой-

чивая энергія южно-русскаго племени. Русскій народъ весь есть по преимуществу народъ колонизаторскій; но южно-русская часть его, не имѣя способности всасывать въ себя инородческіе элементы, и увеличиваться инородческою примѣсью, изъ самой себя выводила силу, противостоящую безпрерывнымъ потрясающимъ ударамъ, наносимымъ ей съ половины XIII вѣка по вѣкъ XVIII, и не только не исчезла, но и вынесла изъ этого горнила 400 лѣтнихъ истязаній свой чистый русскій этнографическій типъ, не замѣтный развѣ только для предубѣжденныхъ глазъ какого-либо тураниста или отрицаемый по требованію предвзятой теоріи. И это каждымъ можетъ быть провѣрено не только на тѣхъ частяхъ южной Руси, которыя входятъ нынѣ въ составъ Русскаго государства, но и въ странѣ, съ XIV вѣка и до сихъ поръ отчужденной отъ него (Галиціи).—Съ другой стороны въ исторіи польской національности поражаетъ явная малоспособность къ колонизаціонному движенію; не только инородческія страны, прилегающія къ Польшѣ (литовскія, румынскія, татарскія), не испытали никакого племеннаго переворота отъ сосѣдства и долговременнаго владычества Польши, но и русскія земли, частію бывшія подъ вліяніемъ, частію подъ властію Польши, не представляютъ нигдѣ и признака *народной польской колонизаціи.* Лишь высшіе классы (и притомъ весьма недавно) усвоили польскій обликъ, что, очевидно, не входитъ въ идею народной колонизаціонной дѣятельности.

II.

Обращаясь къ первымъ пунктамъ этой схемы, мы должны въ общихъ чертахъ провѣрить: 1, Дѣйствительно ли южная Русь была совершенно опустошена татарами въ XIII вѣкѣ, и нуждалась ли она въ сторонней помощи для возстановленія своего населенія и государственности?—2, Что привнесено въ составъ южно-русскаго населенія литовскимъ завоеваніемъ?—3, Что сдѣлано въ этомъ отношеніи Польшею въ тѣхъ частяхъ Руси, которыя уже съ XIV вѣка подпали отчасти подъ ея власть и въ сферу ея государственности и цивилизаціи?—Всѣ эти вопросы разрѣшаются при помощи давно извѣстныхъ научныхъ средствъ, т. е. лѣтописей и древнѣйшихъ (немногочисленныхъ) актовъ.

Нашествіе татаръ на южную Русь послѣдовало въ 1240—41 годахъ; первоначальная династическая унія съ Польшею—въ 1386. Между тѣмъ и другимъ событіемъ протекло 145 лѣтъ. Какъ связать между собою событія столь разновременныя? Предположить ли намъ, что въ этотъ почти полуторавѣковой періодъ южная Россія лежала пустынею, и что разбросанные остатки населенія ея жили внѣ гражданственности и государственнаго порядка, ожидая возстановленія того и другаго отъ запоздалыхъ услугъ чужой національности? Нѣтъ, на пространствѣ этихъ 145 лѣтъ помѣщаются громадные факты: соединеніе всей южной Руси въ одно

большое государство—королевство Даніила и правленіе двухъ могущественныхъ великихъ князей Литовской династіи—Гедимина и Ольгерда. Первое указываетъ на существованіе сильнаго населенія, способнаго къ внутреннему установленію государственнаго порядка; второе свидѣтельствуетъ, что послѣ паденія монархіи Даніила, южная Русь сдѣлалась частію другаго государства, несравненно еще болѣе обширнаго и сильнаго, способнаго защитить свои провинціи отъ повторительныхъ опустошеній со стороны азіатскихъ варваровъ. Что касается до самой Польши, то въ 1-й половинѣ этого періода она сама составляла не государство, а пеструю сѣть мелкихъ княженій, истреблявшихъ другъ друга во взаимной борьбѣ; она нерѣдко пользовалась услугами Даніила и его потомковъ для умиротворенія удѣльной борьбы своихъ князей.

Но обратимся къ частностямъ.

Опустошеніе татарами южной Руси начато ими съ Переяславля. Когда Батый, по завоеваніи сѣверной Руси, возвратился въ свои восточныя кочевья, то началъ посылать оттуда (1238—39) отдѣльные отряды (загоны) на русскіе города еще не опустошенные. Такой отрядъ явился подъ Переяславлемъ, который былъ взятъ приступомъ (копьемъ); жители его перебиты всѣ („изби всѣ"); церковь Архангела Михаила разрушена, сосуды церковные, золотые и украшенные драгоцѣнными каменьями, разграблены; епископъ Симеонъ убитъ. Въ то же время былъ посланъ (другой) отрядъ на Черниговъ; обступили Черниговъ въ силѣ тяжкой; князь Мстиславъ Глѣбовичъ, услышавши о нападеніи иноплеменниковъ на его городъ, пришелъ на нихъ со всѣми воинами своими; но въ битвѣ побѣжденъ былъ Мстиславъ и множество воиновъ его было избито; городъ татары взяли и зажгли; епикопа оставили живымъ и повели въ Глуховъ (ипат. лѣт.). Здѣсь хотя объ избіеніи жителей не говорится, но слѣдуетъ подразумѣвать подобное же переяславскому, ибо не было особыхъ причинъ для пощады.

Уже тогда предводитель полчища, Меньгу-Ханъ, любовался изъ-за Днѣпра Кіевомъ, какъ любуется хищный звѣрь своею вѣрною добычею. Объ опустошеніи Кіева Батыемъ древнѣйшая лѣтопись (ипатская) разсказываетъ такъ: когда татары взошли на стѣны, то „граждане устроили другое укрѣпленіе вокругъ святой Богородицы (десятинной); на утро осажденные не выдержали и здѣсь; люди взбѣжали на церковь и на коморы церковныя со своимъ имуществомъ; отъ тяжести повалились съ ними стѣны церковныя“ (ипат. подъ 1240 году). Очевидно, что отъ битвъ вокругъ городскихъ стѣнъ и вокругъ святой Богородицы осталось уже немного гражданъ, которые и искали убѣжища на церкви; это не были только воины-защитники, но всѣ „граждане“ со всѣмъ ихъ имуществомъ; и этотъ послѣдній остатокъ ихъ погибъ. Нѣкоторыхъ взяли живыхъ въ плѣнъ и несомнѣнно предали смерти, ибо объ одномъ только воеводѣ Димитріи замѣчено: „и не убиша его, мужества ради его“. Другая древняя лѣтопись—лаврентьевская, ничего существеннаго не добавляя, излагаетъ то же въ формѣ болѣе опредѣленной: „святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честные и вся узорочья церковная взяша, а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ“. Позднѣйшій сводъ—густынская лѣтопись прибавляетъ новую подробность, а именно, что татары „изсѣкли въ этомъ городѣ людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ *въ плѣнъ* повели, а городъ Кіевъ и всѣ монастыри запалили огнемъ“. Дѣйствительно, татары вездѣ жгли завоеванные города; но могли ли они брать съ собою плѣнниковъ, отправляясь въ дальнѣйшій походъ на западъ,—это сомнительно. Въ древнемъ сказаніи о святомъ Михаилѣ Черниговскомъ добавляется, что иные жители бѣжали въ дальнія страны; иные же скрывались въ пещерахъ земныхъ, въ горахъ и лѣсахъ. Дѣйствительно, могли спастись только бѣжавшіе.

О дальнѣйшемъ опустошеніи Кіевской, Волынской и

Галицкой земель ипатовская лѣтопись сообщаетъ слѣдующее: „пришелъ Батый къ граду Колодяжну; люди (обманутые обѣщаніемъ пощады) предались и были перебиты. И пришелъ онъ къ Каменцу, Изяславлю и взялъ ихъ; видѣвши же, что Кременца и города Данилова нельзя взять, отошелъ отъ нихъ и пришелъ къ Владиміру и взялъ его копьемъ и избилъ (жителей) его не щадя, также и градъ Галичъ, и иные многіе грады, имъ же нѣсть числа“. Густынская лѣтопись, неправильно сообщая о томъ, что Каменецъ не былъ взятъ, и здѣсь прибавляетъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ жителей, одинаково сомнительное. Въ сказаніи о Михаилѣ Черниговскомъ читаемъ: жители, затворившіеся въ городахъ отъ поганыхъ, немилостиво перебиты были, а которые крылись въ пещерахъ, горахъ и въ лѣсахъ—тѣхъ мало осталось. По прошествіи нѣкотораго времени ихъ оставили во градѣ (т. е. возвратившихся въ города не избивали болѣе), сочли ихъ въ число и начали на нихъ брать дань. Страшная Батыева дорога направлялась изъ Кіева на западъ (черезъ Житоміръ, нынѣшній Новоградъ Волынскій уѣздъ, затѣмъ Кременецъ и Владиміръ) въ сѣверо-западномъ, и затѣмъ въ юго-западномъ направленіи—на Галичъ. Необходимо предположить, что этотъ опустошительный потокъ на пути отдѣлялъ отъ себя рукава въ видѣ загоновъ. Поэтому намъ не кажется преувеличеннымъ извѣстіе густынской лѣтописи о томъ, что татары „и прочіе города и села огнемъ и мечемъ погубили“ (густ. подъ 1241 годомъ). Хотя несомнѣнно, что татары не довольствовались взятіемъ и разрушеніемъ однихъ большихъ городовъ, но главные удары ихъ направлены были на эти послѣдніе: когда возвратились изъ Польши въ Русскую землю Данило Романовичъ и Василько братъ его, то пришли они къ городу Берестью и не могли выйти (изъ него) въ поле по причинѣ смрада отъ множества избіенныхъ; во Владимірѣ не осталось ни одного живаго человѣка, церковь св. Бого-

родицы наполнена была трупами и другія церкви были наполнены тѣлами мертвыми (ипат. лѣт.). Возвратившійся вмѣстѣ съ Даніиломъ, Михаилъ Всеволодовичъ (Кіевскій изъ рода Черниговскихъ) пошелъ въ Кіевъ, но сталъ жить подъ Кіевомъ на островѣ, конечно потому, что въ Кіевѣ жить было негдѣ и нельзя. Плано-Карпини, проѣзжавшій чрезъ южную Русь вскорѣ послѣ вторичнаго Батыева погрома (на обратномъ пути изъ Венгріи), отмѣтилъ, что въ степи лежало безчисленное множество череповъ и человѣческихъ костей; путешественникъ увѣряетъ, что большая часть руссовъ были перебиты или взяты въ плѣнъ.

Однако опустошеніе, постигшее южную Русь, какъ ни было оно велико, не оставило послѣ себя лишь пустыню; нѣкоторые города совершенно уцѣлѣли; выше отмѣчены по лѣтописи, какъ уцѣлѣвшіе: Кременецъ и Даниловъ; спасся также Холмъ: „одержалъ бѣаше Богъ отъ безбожныхъ татаръ“. Татары не тронули Болоховской земли со всѣми ея городами каковы: Деревичь, Губинъ, Кобудь, Кудинъ, Городецъ, Божескый, Дядьковъ, съ тою цѣлью, чтобы жители сѣяли на нихъ пшеницу и просо; за это (и за содѣйствіе Болоховскихъ князей сопернику Даніила князю Ростиславу) Даніилъ впослѣдствіи плѣнилъ всю землю Болоховскую и пожогъ ихъ города (ипатов. 1241 год.). Кромѣ вполнѣ уцѣлѣвшихъ частей территоріи слѣдуетъ замѣтить, что и во взятыхъ городахъ населеніе далеко не вездѣ все перебито полчищами Батыя. Такъ по минованіи перваго опустошительнаго похода Батыя на западъ, Галичъ оказался вовсе не пустымъ: въ немъ не только видимъ тотчасъ же гражданъ, но и прежнія дѣйствія вражды партій; тамъ опять захватили власть бояре. Лѣтопись замѣчаетъ, какъ величался бояринъ Доброславъ: ѣхалъ онъ съ гордостью къ Даніилу въ одной сорочкѣ и на землю не смотрѣлъ, а „галичане текли у стремени его“. И это еще тогда, когда Батый былъ въ Венгріи.

Въ тоже время оказалась заселенною и укрѣпленною Бакота (которую напрасно пытался отнять у Даніила Ростиславъ Черниговскій). Въ распоряженіи Даніилова печатника Кирилла при нападеніи на Болоховскую землю было 3000 пѣшихъ и 300 конниковъ.—Уцѣлѣло населеніе Перемышля, гдѣ тотчасъ послѣ прохода Батыя, еще до возвращенія его назадъ, завелъ крамолу мѣстный епископъ и подручникъ Ростислава—Константинъ. Когда воевода Даніила возвратилъ Перемышль своему князю, то догналъ бѣжавшаго епископа съ слугами его гордыми, и тулы ихъ бобровые раздралъ и прилбицы ихъ бобровые и барсуковые; захватилъ также словутнаго пѣвца Митусу, нѣкогда не захотѣвшаго служить Даніилу (ипат. 1241 г.). Въ слѣдъ затѣмъ (1245 года) возвратившійся Ростиславъ могъ собрать тамъ „смерды многи пешьцѣ". Въ 1246 году, при описаніи литовской войны, оказывается населеннымъ городъ Пинскъ: „и бысть радость велика во градѣ Пиньскѣ о побѣдѣ Данила и Василка" (ипат. лѣт.) Въ 1249 году выступаетъ на сцену городъ Ярославль, „въ которомъ было много людей Даніиловыхъ и Васильковыхъ и бояръ много и городъ былъ крѣпокъ". Дальнѣйшія показанія о населенности городовъ въ концѣ40-хъ и въ 50-хъ годахъ XIII в. могутъ свидѣтельствовать уже не о томъ, что Батыево опустошеніе не было полнымъ, а объ успѣхахъ новаго заселенія Руси.

Всего болѣе разнорѣчій находимъ о судьбѣ города Кіева послѣ нашествія татаръ [1]).

Кромѣ приведенныхъ извѣстій объ опустошеніи Кіева Батыемъ, у насъ есть два извѣстія о времени, непосред-

---

[1]) См. В. Б. Антоповича: „Кіевъ, его судьба и значеніе" (Кіев. Старина 1882 г., кн. I) и замѣтки А. И. Соболевскаго по поводу этого сочиненія: „Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева" (Универ. Извѣст. 1885 г.).

ственно слѣдующемъ за этимъ опустошеніемъ, именно описаніе путешествія Плано-Карпини чрезъ Кіевъ къ татарамъ и описаніе путешествія Даніила туда же въ мѣстной лѣтописи. Плано-Карпини въ 1246 году ѣхалъ отъ города Владиміра въ городъ Кіевъ среди постоянной опасности за свою жизнь отъ литовцевъ; „но благодаря проводнику, котораго далъ ему князь Василько (братъ Даніила) онъ былъ безопасенъ отъ руссовъ, „которыхъ при томъ наибольшая часть была перебита или плѣнена татарами". Въ Кіевѣ путешественникъ совѣтовался съ тысяцкимъ и другими сановниками (боярами) о продолженіи своего пути; тысяцкій далъ ему подводы для дальнѣйшаго отправленія. Плано-Карпини нашелъ въ Кіевѣ до 200 дворовъ, разумѣется населенныхъ, ибо опустѣвшіе домы прежняго огромнаго населенія Кіева, конечно, должны быть многочисленны. На возвратномъ пути къ Плано-Карпини „сбѣжались всѣ Кіевляне"; доказательство, что населеніе въ Кіевѣ чрезъ 2 года послѣ обратнаго прохода татаръ, было, хотя и немногочисленное. При описаніи путешествія Даніила (около 1245 года) наша лѣтопись передаетъ, что князь заѣхалъ въ Выдубицкій монастырь, гдѣ бесѣдовалъ съ „игуменомъ и всею братіею"; это извѣстіе не доказываетъ, что въ Кіевѣ, кромѣ Выдубицкаго монастыря, князю остановится было негдѣ. Если существовали монахи въ этомъ монастырѣ, то нѣтъ причинъ думать, чтобы не могли существовать въ то время здѣсь и другія учрежденія и классы жителей. Что жители въ Кіевѣ въ то время были, это доказывается тѣмъ, что во время проѣзда Даніила, Кіевъ находился подъ управленіемъ намѣстника Суздальскаго князя Ярослава—Димитрія Ейковича; въ пустой городъ не зачѣмъ было посылать правителя изъ странъ, столь отдаленныхъ. Вообще тотчасъ послѣ нашествія Батыя населеніе Кіева хотя и возстановлено, но очевидно съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ прочихъ южнорусскихъ городахъ. Причина этого та, что Кіевъ началъ

падать и до татаръ вслѣдствіе передвиженія центра политической тяжести на западъ—въ Галицію и Волынь и на востокъ—въ Суздаль. Тѣ же причины продолжали дѣйствовать и послѣ Батыя еще въ большею силою. Находясь подъ властію Суздальскаго князя, Кіевъ былъ внѣ района реставраторской дѣятельности Даніила, а отъ дальняго сѣвера большой помощи ждать не могъ. Тѣмъ не менѣе Кіевъ никогда не могъ придти въ совершенный упадокъ, благодаря своему все-русскому религіозному значенію, особенно при оживленіи религіознаго чувства въ татарскую эпоху. Печерскій монастырь продолжалъ существовать, и въ немъ, по словамъ Максимовича, „продолжался непрерывный рядъ 7 игуменовъ, въ томъ числѣ зѣло учительный Серапіонъ, поставленный въ епископство Владиміро-Суздальское“ (1274 года). Наиболѣе уцѣлѣвшими частями Кіевщины надо признать заднѣпровскую ея половину (Остерскую и Любечскую волости), гдѣ находимъ и впослѣдствіи населеніе густое съ крѣпкими древними основами государственнаго порядка.

Высказано мнѣніе, что „изъ всѣхъ областей южной Руси Черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ; менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе Н. И. Костомарова, что „въ Руси едвали осталась десятая часть прежняго населенія“ [1]), Но преувеличенное выраженіе Н. И. Костомарова можетъ относиться лишь къ самымъ южнымъ окраинамъ Черниговской земли. Если уцѣлѣлъ Переяславль, то за-десенская лѣсистая страна Черниговщины должна была пострадать наименѣе; писатель, выразившій приведенное мнѣніе, самъ указываетъ на тотъ фактъ, что уже

[1]) И. Житецкій, Кіевская старина 1884 г. стр. 575.

въ 1240 года, когда еще Батый громилъ русскія земли за Днѣпромъ, Черниговъ не только оказывается существующимъ, но имѣетъ своихъ князей (Ростислава и Михаила). Объ опустошеніяхъ на сѣверѣ Черниговщины (Новгородѣ) ничего не видно изъ лѣтописей.

Какъ мгновенное опустѣніе страны во время похода Батыя, такъ и послѣдовавшее тотчасъ новое ея заселеніе объясняются тѣмъ, что большинство жителей не было избито, а бѣжало предъ татарами; что избито было преимущественно городское населеніе, надѣявшееся отсидѣться за крѣпкими стѣнами. Какія средства спасенія находили бѣглецы, уясняетъ намъ сказаніе объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго. Въ немъ разсказывается, что „иныя же (жители) бѣжаша въ дальнія страны, иныя же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ, и въ горахъ, и въ лѣсѣхъ“. Итакъ для жителей предстояло двоякое средство спасенія: бѣжать въ чужія страны, именно въ Польшу, Венгрію, Чехію, и во вторыхъ скрываться дома по лѣсамъ. Дѣйствительно бѣгство въ дальнія страны совершалось тогда громадными массами. Такъ лѣтопись разсказываетъ, что Даніилъ, возвращавшійся изъ Венгріи во время опустошенія Батыева, доѣхалъ до Синеводска и остановился въ монастырѣ св. Богородицы; „но вставши поутру, увидѣлъ множество бѣжавшихъ отъ безбожныхъ татаръ и воротился назадъ въ Венгрію“ (ипатов. лѣт.). Народъ очевидно бѣжалъ на западъ—въ Венгрію и Польшу массами (не одни бояре) и можетъ быть побѣды чеховъ надъ татарами, остановившія ихъ страшный путь на западъ, должны быть объяснены усиленіемъ чешскихъ войскъ бѣглецами. Догадываются, что главнымъ мѣстомъ убѣжища бѣглецовъ были лѣсистыя и мало-доступныя Карпаты. Даже изъ Кіева и Чернигова народъ бѣжалъ въ эти западныя страны, ибо князь Михаилъ бѣжалъ въ Венгрію, конечно, не одинъ; точно то же лѣтопись говоритъ и о черниговскомъ князѣ Мсти-

славѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что жители прочихъ частей южной Руси находили себѣ убѣжище внутри русской территоріи; сказаніе о мученичествѣ Михаила, говорящее о бѣгствѣ въ лѣса, снято съ живой дѣйствительности; въ лѣсныя и болотистыя страны татарская конница обыкновенно не проникала. Лучшимъ убѣжищемъ могло быть тогда Полѣсье, какъ Припетское (по правую сторону Днѣпра), такъ и за-Десенское (по лѣвую).

По минованіи первой опасности жители начали тотчасъ-же возвращаться въ свои жилища „Великій князь Михайло (передаетъ намъ сказаніе о его кончинѣ) возвратися къ Кіеву, и вси людіе съ нимъ иже бѣаху разбѣглися на чужія земли, пріидоша на свою землю“. Что именно лишь въ большихъ городахъ было перебито лучшее (городское) населеніе, а жители мѣстъ менѣе крѣпкихъ, слыша о паденіи большихъ городовъ, бѣжали не защищаясь,—это доказывается тѣмъ явленіемъ, что послѣ татарскаго погрома центръ тяжести населенія переносится на нисшій классъ—черныхъ людей, который и даетъ побѣду своимъ князьямъ. Въ 1241 году Кириллъ, намѣстникъ Даніила въ Бакотѣ, отразилъ попытку Ростислава черниговскаго на этотъ городъ такъ: „изыде нань со пѣшьци“. Въ 1245 году тотъ же Ростиславъ Михайловичъ явился опять въ Галицію въ качествѣ претендента на галицкій столъ и собралъ въ Перемышлѣ „смерды многи пѣшьцѣ“ (пѣшихъ). Даніилъ выставилъ противъ него старую боярскую дружину, которая и была побита на рѣкѣ Сѣчницѣ, ибо у противниковъ „было много пѣхотинцевъ“. Лишь послѣ того, когда Даніилъ „собралъ вои многи и пѣшьцѣ“, онъ прогналъ соперника. Такая перестановка центра тяжести въ отношеніяхъ классовъ населенія, т. е. перевѣсъ пѣхоты надъ конницею, смердовъ надъ дружинниками, сельчанъ надъ горожанами, совершившаяся послѣ татарскаго погрома, имѣетъ чрезвычайную важность для

новыхъ явленій послѣдующей русской исторіи (особенно сѣверовосточной).—Во всякомъ случаѣ, послѣ Батыева погрома тотчасъ-же (когда Батый былъ еще въ Венгріи) мы находимъ Галицію и Волынь опять заселенными и притомъ довольно густо. Съ 1243 по 1260 годъ, т. е. въ продолженіе 17 лѣтъ, югозападная Русь отдыхала отъ татарскихъ опустошеній. Татары лишь проходили чрезъ нее на Литву (1258 года) и Польшу (1259 года), но опустошеній Руси при этихъ походахъ въ лѣтописи не отмѣчается.

Возстановленіе населенія и гражданственности совершается мудростію Даніила и его брата. Они возстановляютъ государственный порядокъ, утверждая свою власть въ Галичѣ и его провинціяхъ. Еще когда Батый не возвращался, Даніилъ уже ѣздилъ по своему государству (на Понизье, до Бакоты и Калюса) „хотя уставити землю". Они заботятся (и находятъ средства) объ огражденіи и безопасности границъ всей югозападной Руси, тогда составлявшей ихъ общее владѣніе; границы эти привлекали къ себѣ непріятелей со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ послѣ Батыева нашествія (въ 1245 году) возникла война съ Болеславомъ, княземъ лядскимъ, когда Даніилъ и Василько совершили наступательный походъ въ землю лядскую. Въ слѣдующемъ году пришла Литва и воевала около Пересопницы, такъ что Даніилъ и Василько должны были спѣшить въ Пинскъ на защиту сѣверныхъ предѣловъ, что было исполнено ими блистательно. Тотъ же Даніилъ по мѣрѣ силъ выполнилъ и другую неподсильную задачу военной защиты своего государства со стороны татаръ. Это время было высшею степенью успѣховъ короля Даніила, и онъ не очень церемонился съ татарами; когда въ 1255 году, правитель Бакоты, Милѣй предалъ этотъ городъ татарамъ, то сынъ Даніила—Левъ, по порученію отца, схватилъ какъ воеводу, такъ и баскака. Въ то же время татарскій баскакъ Куремса дѣлалъ безуспѣшную попытку захватить Кременецъ,

и когда враги Даніила убѣждали татаръ идти на Галичъ, то татары отвѣчали: „Данило князь лютъ есть“. Этотъ „лютый князь“ дѣйствительно въ 1257 году отнялъ у татаръ всѣ украинные города, находившіеся въ ихъ непосредственной власти.

Для исторіи заселенія южной Руси въ особенности важны свѣдѣнія объ отношеніи Даніила къ этимъ украиннымъ землямъ. Вся такъ называется Украина, т. е. степи по южному Бугу до Днѣпра, при нашествіи Батыя волею-неволею попала подъ непосредственную власть татаръ; въ томъ числѣ нѣкоторое время и Кіевъ (послѣ 1246 до 1257 года). Эта полоса съ сѣвера начиналась отъ Тетерева, Взвязгля (Новоградъ-Волынска) и Межибожья и заключала въ себѣ Балоховскую землю и Побожье (при-бужскую степь). Въ 1257 году Даніилъ „воздвигъ рать противъ татаръ“, и, посовѣтовавшись съ братомъ и сыномъ, послалъ войско подъ предводительствомъ Діонисія Павловича, который взялъ Межибожье; послѣ того войска Даніила и Василька напали на Болоховскую землю, а войска Льва на Побожье и „на людей татарскихъ“. Въ слѣдующемъ году весною отправленъ сынъ Даніила, Шварнъ для дальнѣйшихъ завоеваній; онъ успѣлъ овладѣть Городкомъ, Сѣмоцемъ и всѣми городами, которые сидѣли за татарами, въ томъ числѣ Городескомъ и страною по Тетереву до Жидичева. Успѣхи Шварна побудили возстать и примкнуть къ Даніилу Бѣлобережцевъ, Чарнятинцевъ и всѣхъ Болоховцевъ. Это подвижное населеніе украинъ, предшественники козаковъ, очевидно, охотно тянули къ русскому государству. Но жители укрѣпленныхъ мѣстъ по сѣверной границѣ украинъ относились къ дѣлу иначе. Взвязляне, находясь между двухъ огней, т. е. между войсками Даніила и татарами, прибѣгли къ хитрости: они якобы добровольно взяли тіуна у Шварна, но потомъ не дали ему тіунить. Для дальнѣйшихъ успѣховъ въ этомъ направленіи Даніилу потре-

бовалась помощь Литвы, которую Миндовгъ прислалъ ему; она состояла изъ Новгородцевъ (жителей Новгорода-Литовскаго) съ княземъ Романомъ; но эта помощь опоздала: городъ Взвязгль, главная цѣль похода, былъ окруженъ войсками подъ личнымъ предводительствомъ Даніила, Василька, Льва и Шварна,—и сдался, сожженъ и разграбленъ, а жители выведены и подѣлены между Львомъ и Шварномъ [1]). Но Кіевъ еще оставался подъ властію татарскою; впослѣдствіи и онъ возвращенъ Даніиломъ, ибо въ 1259 году Куремса, тщетно пытавшійся остановить успѣхи Даніила, успѣлъ захватить только Кіевъ. Не смотря на послѣдующіе обратные успѣхи татаръ въ 1261 году при Бурундаѣ, украинная полоса и Кіевщина остались за волынскими князьями, какъ увидимъ ниже.—Изложенное событіе указываетъ, что украинна́я Русь въ эпоху татарскую оставалось довольно густо населенною, имѣла нѣсколько крѣпкихъ городовъ; уживаясь съ татарскою властію, населеніе успѣло охранить само себя; но за то политически было отторгнуто отъ состава русскихъ княжествъ, что́ и оправдываетъ суровую мѣру Даніила. Разрушеніе Возвязгля и выселеніе изъ него всѣхъ жителей, не должно насъ наводить на мысль о томъ, что Даніилъ мало заботился о населеніи и укрѣпленіи окраинныхъ пунктовъ, преслѣдуя лишь цѣли властолюбія и добычи. Поступокъ Даніила былъ дѣломъ временной необходимости для спасенія прочихъ частей южной Руси отъ непосредственнаго владычества татаръ. И такъ, татарское нашествіе не отодвинуло русскаго населенія съ южныхъ окраинныхъ степей. И въ до—татарское время русскія постоянныя поселенія на лѣвой сторонѣ Днѣпра не шли дальше Сулы, а направой не дальше

---

[1]) См. изслѣдованіе этого мѣста лѣтописи у Н. П. Дашкевича: „Болоховская земля“, у И. Л. Молчановскаго: „Оч. извѣст. о Под. землѣ“, стр. 120 и др.

водораздѣла Роси и Тясмина [1]), по Бугу не дальше его верховьевъ, именно: по притоку его Деснѣ (гдѣ Кіевскій городъ Прилуки), или средней части уѣздовъ: Проскуровскаго, Летичевскаго, Литинскаго и Винницкаго [2]); по Днѣстру не дальше нынѣшняго Могилева Подольскаго [3]). Въ этихъ предѣлахъ находимъ русское населеніе и во всю татарскую эпоху; ниже Канева Плано-Карпини встрѣчалъ русскія селенія, именно на пространствѣ между Россью и Тясминомъ. О Бакотѣ и Калюсѣ, Болоховѣ и Побужьѣ упомянуто выше какъ о мѣстахъ весьма населенныхъ. Можно думать, что въ татарскую эпоху русская колонизація подвинулась еще болѣе къ югу: при-Днѣпровскія, при-Бужскія и при-Днѣстровскія степи могли быть населены плѣнниками, которыхъ татары выводили изъ центральныхъ пунктовъ русскихъ земель; села, непосредственно владѣемыя ими, и отчасти остававшіяся въ такомъ положеніи до 2-й половины XIV вѣка, сѣяли на татаръ жито и пшеницу. Даніилъ стремился отнять у татаръ не только древнія части Волынской и Кіевской земли, но и эти вновь населенныя степныя пространства

Но прежде, чѣмъ стремиться къ этой отдаленной цѣли, ему предстояло заселить и упорядочить внутреннія центральныя части своего государства.

Вообще Даніилъ извѣстенъ столько-же своею гражданскою устроительною дѣятельностію, сколько и военными подвигами; ему несомнѣнно принадлежитъ основаніе нѣсколькихъ новыхъ городовъ (еще до нашествія татаръ); Таковы

---

[1]) Барсовъ: „Очер. рус. истор. геогр.“ стр. 120.

[2]) Молчановскій: „Очеркъ изв. о Подольск. зем.“ стр. 87. Здѣсь лежало Побужье, игравшее межеумочную роль между Кіевщиною и Волынью и не было связано органически ни съ тою, ни съ другою.

[3]) Ibid. стр. 91.

более значительные города: Даниловъ, Угорескъ, Холмъ; при немъ же основанъ Львовъ. Лѣтопись въ особенности отмѣчаетъ основаніе Холма, разсказывая, что однажды во время охоты, князь увидѣлъ очень красивое и лѣсистое мѣсто на горѣ и освѣдомился у мѣстныхъ жителей, какъ называется оно; ему отвѣчали—Холмъ. Понравилось ему это мѣсто и онъ задумалъ создать на немъ небольшой городокъ, обѣщавшись построить въ немъ церковь св. Іоанну Злотоусту. Сначала князь построилъ маленькій городокъ, но видя, что ему Богъ помогаетъ, создалъ другой (большій и крѣпчайшій) городъ, котораго не могли взять татары. Наклонность Даніила къ градостроительству должна была получить новую пищу и направленіе послѣ нашествія татаръ, когда нужно было вновь воздвигать города, разрушенные ими; ему принадлежитъ возстановленіе не только центральныхъ городскихъ поселеній (Галича, Владиміра, Луцка), но и окраинныхъ, напримѣръ Дрогичина. Вообще лѣтопись замѣчаетъ о немъ, что онъ „созда городы многи“ (ипатовская лѣтопись), не только въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ защиту отъ татаръ и Литвы, но и въ смыслѣ городскихъ общинъ.

Для населенія новыхъ городовъ Даніилъ долженъ былъ прибѣгнуть отчасти къ иноземному элементу. Мы упомянули, что татарское нашествіе окончательно поразило древніе вѣчевые центры населенія. Новое городское населеніе составлялось уже изъ иныхъ элементовъ, включивъ въ себя немало иноплеменнаго этнографическаго матеріала. Лучшимъ представителемъ новаго города служитъ именно Холмъ, который Даніилъ избралъ центромъ своего обширнаго государства, куда онъ перенесъ реликвіи древняго Кіева и намѣревался перенести его историческое значеніе. Послѣ татарскаго погрома Даніилъ принялъ усиленныя мѣры къ заселенію въ особенности Холма: „Данило нача призывати прихожаѣ нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху день и во день

и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ татаръ: сѣдѣлницы и лучници, и тулинци, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру; и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града, поле и села". Въ центральную святыню своего города—церковь св. Ивана, онъ перенесъ изъ Кіева драгоцѣнныя иконы и перевезъ оттуда же колокола, это знамя древней вѣчевой жизни. Но самой жизни воскресить уже не могъ: *нѣмцы, иноязычники* и *ляхи* не могли замѣнить тѣхъ старыхъ кіевлянъ, вѣрныхъ сыновъ „древней матери городовъ русскихъ"; создавался городъ мѣщанскій (ремесленный и торговый), лишенный древней государственной власти надъ окрестною страною. Впрочемъ при Даніилѣ наполненіе городовъ иноземцами далеко еще не сдѣлало такихъ успѣховъ, какъ впослѣдствіи; въ Холмъ стекались не только иноплеменники, но и Русь (мы думаемъ, что „мастера, бѣжавшіе изъ татаръ", не татары, а ихъ плѣнники—русскіе и иноземцы, а равно жители городовъ, непосредственно подчиненныхъ татарамъ). Но уже при ближайшихъ преемникахъ Даніила наплывъ иноземнаго населенія въ городахъ усиливается: въ 1287 году князь Мстиславъ собираетъ въ центральную церковь города Владиміра (для выслушанія и утвержденія завѣщанія брата о наслѣдованіи стола) „бояре Володимерскыя и мѣстичѣ русціи и нѣмци" (ипатовская лѣтопись). При погребеніи князя Владиміра „плакалось по немъ все множество Владимірцевъ, мужи, жены и дѣти, нѣмцы, Сурожцы, Новгородци; жиды плакали, какъ при взятіи Іерусалима, когда вели ихъ въ плѣнъ вавилонскій" (ипатовская лѣтопись).

И въ составѣ прочаго населенія можно предположить нѣкоторую иноземную примѣсь. Можно принять догадку Н. П. Дашкевича, что побѣдоносные походы Даніила на сосѣднія страны, особенно на Литву должны были оканчиваться, какъ обыкновенно въ тѣ времена, выводомъ массы плѣнниковъ и поселеніемъ ихъ внутри своего государства; на это

указываетъ то обстоятельство, что донынѣ уцѣлѣло нѣсколько селъ на Волыни и въ Галиціи съ названіями, напоминающими племена Ятвяговъ, Пруссовъ и Литовцевъ.

Несомнѣнно также, что измѣнился отчасти и племенной составъ боярскаго класса: къ Даніилу, между прочимъ, бѣжали изъ своей земли „нарочитіи бояре и иные Ляхове".

Не смотря на этотъ приливъ иноземныхъ началъ, населеніе южной Руси въ цѣломъ, послѣ нашествія татаръ, есть русское по преимуществу, продолжающее всѣ историческія традиціи до-татарской эпохи, помнящее права своихъ князей и отличающее себя ясно отъ сосѣдей и въ частности ляховъ, которые съ своей стороны противопалагаютъ себя жителямъ монархіи Даніила, какъ русскимъ. Уже въ 1245 году возникла у Даніила война съ „Болеславомъ княземъ лядскимъ"; русскіе князья вошли „въ землю лядскую" и осадили городъ Люблинъ; „увидѣвше ляхове, яко крѣпцѣе брань русская належить, начаша просити милость получити"; въ 1249 году въ битвѣ подъ Ярославлемъ, Василько сразился съ ляхами; „ляхомъ же лающимъ, рекущимъ: поженемъ на великыи бороды". Эти большія бороды, т. е. русскіе, поразили ляховъ на голову. Правда, Даніилъ, сблизившись съ западомъ, весьма часто пользовался дружескими услугами поляковъ и оказывалъ ихъ взаимно; но обѣ націи дѣйствовали какъ различныя и равныя. При описаніи похода на Чеховъ въ 1253 году, лѣтописецъ отмѣчаетъ: „не было въ землѣ Русцѣй первѣе, иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ св." (ипатовская лѣтопись). Сохранились и всѣ племенныя русскія особенности (въ образѣ веденія войны и вооруженія, за исключеніемъ незначительныхъ внѣшностей заимствованныхъ у татаръ); такъ, когда въ 1252 году Даніилъ пошелъ на помощь Венгерскому королю противъ нѣмцевъ, въ полкахъ его у ратниковъ были „кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье въ ярыцѣхъ", по обычаю татарскому;

„самъ же (Даніилъ) ѣха подлѣ короля по обычаю русскому“. Король былъ такъ восхищенъ его вооруженіемъ, что воскликнулъ: „не взялъ бы я тысячи серебра за то, что ты пришелъ по обычаю русскому отцовъ своихъ“. Вообще русскій король, весьма часто пребывавшій въ Венгріи и Польшѣ, коронованный папскимъ легатомъ, отнюдь не чуждавшійся запада, тѣмъ не менѣе остается самъ лично типическимъ образцомъ древне-русскаго князя и по справедливости долженъ именоваться южнымъ собирателемъ русской земли. Его государственно-устроительная дѣятельность, руководимая только національными интересами, имѣетъ много общаго съ дѣятельностію его современника Александра Невскаго.

Съ дѣятельностію Даніила по заселенію и устроенію страны соперничаетъ дѣятельность брата его—Василька; о немъ впослѣдствіи лѣтопись сообщаетъ, что у него былъ нѣкій умный и просвѣщенный мужъ Алекса, который при немъ многіе городы срубилъ (ипат. лѣтопись подъ 1276 годомъ).

Успѣхи колонизаторской и благоустройственной дѣятельности Даніила на время были пріостановлены вторичнымъ грознымъ нашествіемъ татаръ въ 1261 году. Баскакъ Бурундай, гораздо болѣе энергичный, чѣмъ его предшественникъ Куремса, рѣшился отмстить за изгнаніе Даніиломъ татаръ изъ украинной Руси и потребовалъ отъ Даніила и Василька, разметать всѣ ихъ города; тогда, дѣйствительно, были разрушены укрѣпленія всѣхъ лучшихъ и большихъ городовъ (Данилова, Истожека, Львова, Кременца, Луцка и Владиміра). Уцѣлѣлъ только (вслѣдствіе хитрости) городъ Холмъ. Можно думать, что при этомъ дѣло не ограничилось однимъ срытіемъ укрѣпленій; жители беззащитныхъ городовъ должны были опять подвергнуться насиліямъ и избіенію, о чемъ однако лѣтопись умалчиваетъ. Въ остальные годы XIII-го вѣка происходили лишь мѣстныя опустошенія юго-западной Руси татарами; власть татаръ была уже общепризнана: „тогда

бяху вси князи въ неволѣ татарьской“ (ипатовская лѣтопись подъ 1283 годомъ). Татары проходили чрезъ южную Русь во время своихъ походовъ на Литву, Польшу и Венгрію. Въ 1283 году, во время общаго сбора князей (по приказу татаръ) на войну съ Польшею на Бужскомъ полѣ, князья опасались общаго избіенія. Дѣло ограничилось, однако, насиліемъ и грабежами; татары „учиниша пусту землю Володимерьскую“. Точно тоже произошло съ городомъ Львовомъ и его землею: „стояли на землѣ князя Льва двѣ недѣли кормясь и не воюя (т. е. не нападая на городъ), не давали изъ города выйти на зажитье; а кто выѣзжалъ изъ города, тѣхъ или избивали или брали въ плѣнъ, и иныхъ ограбивши пускали нагихъ, а тѣ отъ мороза перемерли, потому что зима была люта вельми, и учинили всю землю пустою. Перемерло въ городахъ во время осады безчисленное множество, а другіе перемерли въ селахъ, вышедши изъ городовъ, по отшествіи безбожныхъ агарянъ“. Послѣ ухода Телебуги и Ногая князь Левъ счелъ, сколько погибло въ его землѣ людей: „сколько поймано, избито и сколько перемерло волею Божіею (и нашелъ что) 12$^1/_2$ тысячъ„ (ипатовская лѣтопись). Количество громадное для того времени и для однихъ владѣній князя Льва.

Однако и нашествія 1261 и 1283 года не обратили южной Руси въ пустыню; доказательство лежитъ въ самыхъ сказаніяхъ объ этихъ нашествіяхъ; такъ, послѣ 1261 года очевидно, города уже были вновь укрѣплены, ибо жители заперлись въ гор. Львовѣ и другихъ городахъ, откуда не давали имъ выхода татары. Населенность страны, очевидно, была не малая, когда въ одной части ея безъ общаго опустошенія ея татарами, могло погибнуть 12$^1/_2$ тысячъ людей. Такіе быстрые успѣхи новой колонизаціи объясняются, тѣмъ, что ближайшіе преемники Даніила достойно продолжали его рмудую дѣятельность.

Продолжателями колонизаціонной и государственно-устроительной дѣятельности Даніила и Василька явились князья Владиміръ Васильковичъ и Левъ Даніиловичъ. О первомъ лѣтопись разсказываетъ, какъ о князѣ—градостроителѣ и, между прочимъ, передаетъ, что въ 1276 года вложилъ Богъ въ сердце его мысль благую: началъ онъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Берестьемъ и взялъ книги пророческія (чтобы угадать по нимъ волю Божію); писаніе раскрылось на слѣдующихъ словахъ пророчества Исаіи: „и созижютъ пустыня вѣчная, запустѣвшая преже, воздвигнути городы пусты, запустѣвшая отъ рода“. Владиміръ уразумѣлъ повелѣніе Божіе изъ этихъ словъ, ибо „эта земля опустѣла въ теченіе 80 лѣтъ послѣ Романа“; тогда князь послалъ на розыски удобнаго мѣста для новаго города, Алексу, мужа хитраго, который при отцѣ его много городовъ срубилъ; онъ отправился по рѣкѣ съ туземцами на лодьѣ и нашелъ мѣсто на рѣкѣ Лоснѣ; князь же самъ со своими боярами поѣхалъ туда и одобрилъ выборъ; онъ велѣлъ очистить мѣсто отъ лѣсу, и затѣмъ срубилъ городъ и нарекъ ему имя Каменецъ (ипат. лѣтопись. подъ 1276 год.). Кромѣ этого подробнаго описанія постройки Каменца, лѣтопись сохранила краткое извѣстіе о градостроительствѣ князя Владиміра вообще въ такихъ выраженіяхъ: „князь же Владиміръ въ княженіи своемъ многи городы сруби, по отци своемъ: сруби Берестій и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ (Каменецъ)“. И тутъ и тамъ онъ воздвигъ по каменной башни высотою въ 17 сажень. Въ прочихъ городахъ своего княженія онъ занимался украшеніемъ ихъ новыми церквами („въ Любомли постави церковь каменну“), чего, конечно, нельзя было-бы дѣлать, еслибы эти города лежали пустыми и въ развалинахъ. Стольный городъ его Владиміръ, при описаніи погребенія этого князя, оказывается весьма населеннымъ; въ составѣ населенія указываются граждане, слуги княжескіе,

земскіе мѣстные бояре („лѣпшіи мужи Володимерьстіи) и все множество Володимерцевъ“, нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы (Литовское населеніе?) и жиды. Самый городъ былъ „величествомъ аки вѣнцемъ обложенъ“ (ипат. лѣтопись подъ 1288 годомъ).

Такъ русскіе князья исполняли свою священную миссію „созидать пустыни вѣчныя, воздвигать городы опустѣвшіе“, не дожидаясь и не нуждаясь въ томъ содѣйствія чужой руки.

Что касается собственно украинныхъ земель и Кіевщины, то хотя еще при Даніилѣ Кіевъ опять захватили татары, но потомъ здѣсь не удержалось непосредственное господство ихъ. Кіевъ входитъ въ составъ монархіи Даніила: южные предѣлы Кіевской украйны—Поросье составляли особый удѣлъ русскихъ князей; тамъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIII вѣка былъ князь Юрій Поросскій—подручникъ Владиміра и Мстислава Волынскихъ. Изъ этого можно заключить, что при-Днѣпровская и при-Бужская украйны, отнятыя у татаръ Даніиломъ, уже не были возвращены подъ непосредственное управленіе баскаковъ, не смотря на успѣхи Бурундая въ 1261 году. На это указываетъ и то обстоятельство, что Кіевъ время отъ времени терпѣлъ новые набѣги татарскіе; по извѣстію лаврентьевской лѣтописи, въ 1300 году отъ татаръ „весь Кіевъ разбѣжался отъ татаръ“. Конечно, надо признать съ Максимовичемъ, такія выраженія гиперболическими, но во всякомъ случаѣ Кіевъ находился подъ ближайшими ударами кочевниковъ; населеніе его возстановлялось каждый разъ, но мало увеличивалось. Волынскіе князья не могли уже подавать ему помощи, когда раздѣленная монархія Даніила, начала близиться къ паденію подъ напоромъ съ сѣвера Литовцевъ. При нашествіи Гедимина на Кіевъ, въ немъ сидѣлъ особый князь разумѣется изъ рода Рюриковичей.

Признавая нѣкоторую достовѣрность за извѣстіями бѣлорусскихъ лѣтописей о походѣ Гедимина на Кіевъ, мы должны

признать, что въ началѣ XIV в. къ Кіеву тянули пригороды: Житомиръ, Овручъ, Бѣлгородъ, Слѣпородъ, Каневъ и Вышгородъ, что Кіевское княженіе стояло въ тѣсной связи съ сѣверщиною, князья которой сражаются противъ литовцевъ вмѣстѣ съ княземъ кіевскимъ, что населеніе страны не было ничтожнымъ, если было способно къ упорной защитѣ противъ такого могучаго врага, какимъ былъ Гедиминъ.

Оканчивая рѣчь о татарской эпохѣ, не можемъ обойти молчаніемъ вопроса о степени внѣдренія татарскаго этнографическаго элемента въ южно-русское населеніе. Для разрѣшенія его могутъ быть предложены лишь гипотезы, при построеніи которыхъ надо постоянно имѣть въ виду, что въ тѣ времена татары отличались весьма малою склонностію къ осѣдлости, а потому нѣтъ никакого вѣроятія признать, что они, добровольно, вселялись въ среду русскаго населенія. Если въ украинныхъ мѣстахъ находимъ при Даніилѣ „людей татарскихъ", которыхъ этотъ князь присоединяетъ къ своему государству, то подъ такимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть степныя южно-русскія колоніи въ открытыхъ мѣстахъ находившіяся подъ непосредственною татарскою властію. Впослѣдствіи, при Ольгердѣ въ тѣхъ же украинскихъ мѣстахъ (Подоліи) встрѣчались села, съ татарскимъ населеніемъ, признававшія власть литовскаго великаго князя, какъ свидѣтельствуетъ Ляннуа; но и тогда путешественникъ отмѣчаетъ только одно такое село. Первые литовскіе князья несомнѣнно поселяли татаръ въ южныхъ укрѣпленіяхъ, образуя изъ нихъ такой же военный оплотъ, какъ прежде кіевскіе князья дѣлали на Руси съ торками и половцами (см. ниже); но и здѣсь такая татарская примѣсь не была велика. Эту примѣсь въ украинскомъ населеніи въ XV и XVI вв. отмѣтимъ въ своемъ мѣстѣ. Большія массы татарскихъ выходцевъ поселяемы были на сѣверѣ, вблизи Вильны, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ за ними высшей власти; тамъ татарскія

поселенія сохранялись до позднѣйшаго времени и обитатели ихъ составляли особый разрядъ служилыхъ людей. Нѣчто подобное (но въ меньшихъ размѣрахъ) было и внутри южной Руси, напр. около замковъ Острога и Мозыря; Нарбутъ сохранилъ слѣд. извѣстіе; „однажды сенаторы литовскіе упрекали Витовта въ томъ, что онъ далъ татарамъ на Литвѣ и на Руси слишкомъ обширныя земли, обращая его вниманіе, что этотъ народъ можетъ быть небезопасенъ для страны. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я противнаго мнѣнія, потому что добротою приручаются и самые дикіе звѣри“ [1]). Иногда выходцамъ татарскимъ даваемы были пожалованія имѣній на югѣ (напр. при Витовтѣ князю Глинскому, обширный родъ котораго владѣлъ въ XV вѣкѣ многими землями въ сѣверской украйнѣ и въ центральныхъ частяхъ южной Руси); но это были обрусѣвшія единицы, не имѣвшія этнографическаго вліянія на цѣлую массу населенія. Въ составѣ высшаго класса земель Кіевской и Волынской въ XIV и XV вѣкахъ находилось мало примѣсей татарщины (судя по грамотамъ Коріатовичей, Витовта и Свидригайла). Въ полномъ спискѣ пановъ Волынской земли 1528 г. не находимъ ни одной фамиліи татарской по названію. Если въ XVI в. видимъ нѣкоторыя дворянскія фамиліи татарскаго происхожденія (Кобызевичи, Шабловскіе и друг.), то нужно знать, что довольно сильное внѣдреніе татарскаго элемента въ южно-русскую этнографическую особь относится уже къ тѣмъ временамъ, когда южно-русскіе магнаты, а потомъ и польскіе въ южной Руси окружали себя цѣлыми полками и хоругвями татаръ и поселяли ихъ вокругъ своихъ замковъ.

Дѣлая общій выводъ изъ приведенныхъ фактовъ относительно XIII в., мы должны признать, что:

---

[1]) Нарбутъ, VI, стр. 556.

[2]) См. Акты Вил. Ком. т. XIII. № 6

1) Дѣйствительно произошло громадное опустошеніе всей южной Руси въ 40-хъ годахъ этого столѣтія; численность населенія должна была уменьшиться здѣсь повсюду. Но

2) Край отнюдь не остался послѣ татаръ пустынею: населеніе быстро возстановляется послѣ Батыева погрома, (хотя въ меньшемъ количествѣ), что видно изъ возстановленія городовъ и гражданскаго порядка тотчасъ послѣ Батыя.

3) Главный этнографическій составъ новаго населенія— тотъ-же, какой былъ и прежде; ибо главнымъ образомъ оно возстановляется изъ бѣглецовъ, спасавшихся во время погрома.

4) Замѣтно существенное измѣненіе въ этнографическомъ составѣ лишь городскаго населенія и притомъ преимущественно городовъ Галиціи и западной Волыни, гдѣ находимъ, хотя и не въ равномъ значеніи съ русскими, нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ.

5) Вселеніе татарскаго племеннаго начала въ южно-русское населеніе должно быть признано ничтожнымъ. Національная, культурная, религіозная и историческая вражда между этими народами была такъ велика, что очевидно не могла допустить въ этомъ случаѣ смѣшенія расъ. Лишь на югъ отъ Роси и Сулы въ древней странѣ торковъ, черныхъ клобуковъ и половцевъ надо признать постоянные осадки татарскихъ поселеній.

6) Возможно предположить, что произошла нѣкоторая перестановка этнографическихъ группъ среди самого русскаго населенія. Походъ татаръ направлялся отъ востока къ западу; онъ гналъ передъ собою массу бѣглецовъ на западъ; слѣдуетъ предположить, что при опустошеніи Черниговской земли, часть населенія спасалась на правый берегъ Днѣпра; затѣмъ, застигнутая тѣмъ же бѣдствіемъ и здѣсь, подвинулась далѣе на Волынь и въ Галицію. Извѣстно, что въ Карпатахъ поселилась цѣлая группа черниговцевъ; Да-

ніилъ послѣ Батыева погрома запрещалъ раздавать города въ Галиціи черниговскимъ служилымъ людямъ. Возвращаясь назадъ, бѣглецы, конечно, осѣдали тамъ, гдѣ было безопаснѣе, т. е. гдѣ былъ центръ дѣятельности и власти Даніила, именно: въ городахъ Волыни и Галиціи, возстановленныхъ этимъ княземъ. Единство монархіи Даніила вообще надо признать главнымъ фактомъ и въ исторіи смѣшенія этнографическихъ элементовъ—сѣверянъ, полянъ, волынянъ и червоноруссовъ.

III.

XIV-й вѣкъ (самый бѣдный достовѣрными историческими сказаніями) переноситъ насъ къ явленіямъ другаго порядка; тогда главный интересъ сосредоточивается на отношеніяхъ южной Руси не къ татарамъ, а къ литовцамъ: южная Русь входитъ въ составъ обширнаго Литовскаго государства, но пока не какъ провинція, а какъ зависимый удѣлъ.

Какъ относится это событіе къ успѣхамъ заселенія ея и не приноситъ ли оно новаго чуждаго этнографическаго элемента въ составъ населенія этой страны?

Уже въ первой половинѣ XIII вѣка по разсказу Плано-Карпини, Литва дѣлала опустошительные набѣги до самаго Кіева; путь отъ Владиміра Вол. въ Кіевъ не былъ безопасенъ отъ литовцевъ. Но тогда еще былъ Даніилъ во всемъ могуществѣ своей военной славы; онъ, Владиміръ и Мстиславъ сдерживали съ сѣвера (въ области Припети, въ предѣлахъ Пинскаго княжества) напоръ литовской силы. Волынская лѣтопись наполнена за вторую половину XIII вѣка сказаніями о кровавыхъ стычкахъ упомянутыхъ князей съ литовцами. Въ началѣ XIV вѣка эта сдерживающая сила ослабѣла въ раздвоенной монархіи Даніила; потокъ хлынулъ съ сѣвера, производя новое передвиженіе населенія въ южной Руси.

Въ то же время и тоже обстоятельство открыло свободную дорогу и съ запада, для захватовъ со стороны Польскаго

короля Казиміра, что въ свою очередь могло отразиться на перестановкѣ элементовъ населенія.—Разсказъ позднихъ западно-русскихъ лѣтописей о роковомъ исходѣ борьбы съ Литвою, именно о походахъ Гедимина на Волынь и Кіевъ, наполненъ разными недостовѣрными и прямо ошибочными подробностями (особенно въ именахъ дѣйствующихъ лицъ); но общая связь событій не позволяетъ признать вымышленнымъ весь разсказъ; въ немъ остается несомнѣнно зерно исторической истины. Волынь и Кіевъ должны были подвергнуться опустошительному набѣгу Литвы въ первой четв. XIV вѣка, когда раздѣленное государство Даніила не могло уже противоставить такой силы отпора, какъ прежде. Общій тонъ разсказа о нападеніи на Волынь совершенно согласенъ съ обстоятельствами времени: во время осады города Владиміра, князь Волынскій искалъ помощи татаръ, какъ часто дѣлали русскіе князья и прежде; но союзники были разбиты Гедиминомъ, и городъ сдался. Послѣ того Луцкій князь бѣжалъ безъ битвы за Днѣпръ. Насъ не должно смущать то обстоятельство, что и потомъ до 1340 года мы находимъ князей Рюриковичей на столахъ земли Волынской; нашествіе подвижной дружины не есть государственное завоеваніе нашего времени. Быть можетъ никакихъ условій подданничества не было вовсе постановлено тогда, какъ не дѣлали такихъ условій и татары; но наступала естественная фактическая зависимость побѣжденныхъ, въ силу разъ испытаннаго превосходства врага. Изъ Волыни Гедиминъ двинулся къ Днѣпру, овладѣлъ силою оружія Овручемъ, Житомиромъ и наконецъ въ битвѣ на рѣкѣ Ирпени поразилъ послѣднія союзныя силы южно-русскихъ князей: Кіевскаго, Переяславскаго, Брянскаго и бѣгнеца-Луцкаго (имена, большею частію, переиначены). Кіевъ взятъ чрезъ осаду, но не преданъ разграбленію. Пригороды Кіевской земли (Бѣлгородъ, Снепородъ, Каневъ и друг.), а также Брянскъ и Переяславль покорились добровольно.

Въ Кіевѣ Гедиминъ будто бы оставилъ своего намѣстника (что могло имѣть мѣсто лишь до назначенія сюда удѣльнаго князя); мѣстныхъ князей, Рюриковичей, уже не стало; они всѣ или погибли, или бѣжали въ Рязань; но впослѣдствіи мы находимъ и здѣсь князя Ѳедора (1331 года), который, очевидно, находится подъ властію Гедимина, ибо исполняетъ его приказаніе (гонится за новопоставленнымъ владыкою Новгородскимъ, котораго хотѣлъ схватить Гедиминъ, когда тотъ скрываясь пробирался изъ Владиміра-Волынска „межи Литвы и Кіева“ (между тѣмъ, угодный Гедимину претендентъ на Псковскую епископію, Арсеній спокойно пошелъ изъ Волыни на Кіевъ). Упомянутый князь Ѳедоръ былъ, очевидно, подручникъ Гедимина, князь—намѣстникъ.

Въ исторіи нашествія Литвы на южную Русь ясно выдается та особенность отъ татарскихъ нападеній, что населеніе не предается избіенію, города не опустошаются. Новые завоеватели обнаружили гораздо больше инстинктовъ государственности, чѣмъ татары. Въ болѣе раннія времена и Литва вела опустошительный варварскій способъ войны; такъ въ 1274 года Дрогичинъ былъ сожженъ „окаяннымъ и треклятымъ Тройденомъ, княземъ литовскимъ, который при этомъ избилъ всѣхъ жителей отъ мала и до велика“, такъ что полагаютъ, что нынѣшній Дрогичинъ возникъ на другомъ мѣстѣ; но въ XIV вѣкѣ, при Гедиминѣ, литовцы уже не обнаруживаютъ такихъ признаковъ варварства. Да это и неудивительно, ибо государство Гедимина и до завоеванія южной Руси было уже почти вполнѣ русскимъ, заключая въ себѣ всю Бѣлоруссію. Поэтому мы въ правѣ заключить, что литовское нашествіе не только не вело къ дальнѣйшему опустошенію края, но содѣйствовало умиротворенію его водворенію въ немъ большаго спокойствія отъ татаръ. Хотя татары не оставили еще вполнѣ внутреннихъ областей южной Руси, баскаки продолжали посѣщать самый Кіевъ, но, очевидно,

власть татарская должна была значительно ослабнуть въ то время; въ мѣстномъ населеніи Кіевщины сохранялось преданіе, что Гедиминъ поразилъ тататаръ въ самомъ отдаленномъ гнѣздѣ ихъ, именно: взялъ Кафу, Перекопъ и Черкасъ пятигорскихъ; взятыми въ плѣнъ колонизовалъ степи на лѣвомъ и правомъ берегахъ Днѣпра; именно, ему приписывается основаніе города Черкасъ и населеніе его упомянутыми плѣнниками [1]). Конечно, такое преданіе не есть историческій фактъ; но мысль, заключенная въ немъ, т. е. укрѣпленіе южныхъ границъ государства и наполненіе военныхъ колоній плѣнниками, не нарушаетъ историческаго правдоподобія.

Другія послѣдствія возникаютъ изъ отношенія южно-русскаго населенія къ самимъ литовцамъ. Хотя, какъ сказано, нашествіе Гедимина отнюдь нельзя признавать государственнымъ присоединеніемъ территоріи въ нашемъ смыслѣ, хотя внутренніе порядки оставались въ южно-русскихъ земляхъ прежніе и даже продолжали отчасти править прежніе князья, но, очевидно, власть язычниковъ на первыхъ порахъ была весьма тягостна для южно-руссовъ и въ особенности кіевлянъ. Населеніе изъ Кіева отливало или на сѣверъ, или на западъ: въ 1332 года пришелъ изъ Кіева служить въ землю Суздальскую бояринъ Родіонъ Нестеровичъ съ 1700 своихъ дворянъ, фактъ доказывающій значительную населенность Кіева въ татарское время и отливъ его въ первое время литовскаго владычества. Волынскіе князья, очевидно держались болѣе самостоятельно. Городъ Владиміръ Волынскій продолжаетъ быть стольнымъ городомъ всейюжной Руси; тамъ въ 1331 году пребывалъ митрополитъ Ѳеогностъ; туда явились къ нему для посвященія новгородскій владыка и претендентъ на отдѣльную епископію псковскую

---

[1]) См. N. XIV.

(Нов. 1-я лѣт). Константинопольскій патріархъ своею грамотою 1354 года призналъ Кіевъ городомъ, непригоднымъ для резиденціи митрополита. Однако, какъ увидимъ сейчасъ, высокое значеніе матери городовъ русскихъ вскорѣ опять возстановило Кіевъ по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ, до которыхъ онъ дошелъ въ татарскую эпоху. Прочія страны южной Руси, которыхъ власть литовская не касалась непосредственно, могли чувствовать только благодѣянія сильной защиты могучаго военнаго государства.

Въ нашей литературѣ высказано предположеніе, что въ началѣ XIV ст., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, „область поселенія южно-руссовъ значительно съуживается, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ", т. е. татарскимъ [1]). Доказательства этого находятъ въ путешествіи Пимена Воронежскаго, который, проѣхавъ между Сеймомъ, Сулою и Днѣпромъ, такъ описываетъ эту страну: „бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамъ ни града, ни села.., не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество". Но степи между лѣвымъ берегомъ Сулы и Днѣпромъ и прежде не были заселены русскимъ народомъ, а равно и мѣстность за Семью до Донца, оставалась во власти кочевниковъ еще съ того времени, когда сѣверянское населеніе въ XI—XII в. было оттѣснено съ этой исконной земли половецкой. Вообще съ побѣдами Гедимина, т. е. съ началомъ обратнаго движенія народовъ съ запада къ востоку, это не вяжется. Можно предположить, что татарскія кочевья съ тѣхъ поръ подвинулись къ югу, стали держаться подальше отъ южно-русскихъ предѣловъ. Это, между прочимъ, можно усмотрѣть изъ того, что Ольгердъ, ища театра рѣшительныхъ битвъ съ татарами, нашелъ его на Синихъ водахъ, а Витовтъ на Ворсклѣ. Стрыйковскій го-

---

[1]) Ир. Житецкій; Кіев. Стар. 1884 г., сент., стр. 6.

ворить объ Ольгердѣ, что онъ освободилъ отъ татаръ Торговицу, Бѣлую Церковь, Звенигородъ и всѣ степи отъ Очакова до Кіева и отъ Путивля до устья Дона и оттѣснилъ ихъ до Волги. Эти преувеличенныя сказанія явились послѣдствіемъ преданія о дѣйствительныхъ подвигахъ первыхъ литовскихъ князей.

Произошло ли тогда какое-либо вселеніе литовскаго племеннаго начала въ южную Русь?—Мы видѣли, что лѣтопись передаетъ (сомнительный) фактъ назначенія Гедиминомъ въ Кіевъ намѣстника-литовца,—и только. Нѣкоторыя единичныя лица и впослѣдствіи назначаемы были правителями городовъ въ южной Руси (напр. въ нач. XV в. Гедигольдъ староста подольскій); но это временное и пришлое населеніе, по минованіи службы, опять возвращалось въ свои сѣверныя литовскія земли. Въ составѣ осѣдлаго землевладѣльческаго класса мы не можемъ отыскивать литовскую примѣсь не только въ XIV в., но и въ нач. XV в; тогда не могло быть никакой приманки для воинственныхъ дружинъ, жившихъ еще военною добычею, поселяться въ чужой странѣ, среди чужого населенія. Сподвижники Гедимина и Ольгерда всѣ тѣснились около своихъ вождей въ ихъ родныхъ литовскихъ замкахъ.

Есть извѣстіе, что уже ко временамъ Гедимина относится начало землевладѣнія литовскихъ пановъ на территоріи южной Руси; Бѣлевскій отмѣтилъ такой фактъ на межигорской рукописи (содержащей такъ называемыя лѣтописи Волыни и Украины): „1333 года Альбрехтъ Гаштольдъ, воевода Виленскій, основалъ замокъ и монастырь между Кіевомъ и Черниговомъ на р. Острѣ, между Днѣпромъ и Десною, въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи и передалъ (монастырю) села: Выползовъ, Филиповщину, Естаминку, Крохаевъ, Боденковичи, Зувинъ, Червинъ, Зовлынщизну, Пророковщину и близъ монастыря и замка мѣстечко Остеръ, а также озера: въ Чер-

винѣ озеро изъ Днѣпра—тони двѣ, въ Ходенковичахъ озеро изъ Десны—тони двѣ, въ Крохаевѣ озеро изъ Десны—тоня одна, въ Ялмункѣ озеро изъ Десны—тони двѣ и озеро изъ Десны городское—тоня одна. Но когда татары разрушили вмѣстѣ съ замкомъ и монастырь, то онъ уже не былъ возстановленъ; уже потомъ Сигизмундъ-Августъ возстановилъ одинъ замокъ и поставилъ первымъ старостою Константина Ратомскаго" [1]). Но въ этомъ фактѣ, если отнести его къ 1333 г., нѣтъ ничего правдоподобнаго. При Гедиминѣ его сподвижники-литовцы были язычники; они не могли имѣть *наслѣдственныхъ* имѣній въ южной Руси. Думать надобно, что здѣсь вѣрный фактъ обладанія г. Остра Гаштольдомъ (быть можетъ современниковъ Витовта), отнесенъ къ эпохѣ столь ранней.

Относительно временъ болѣе позднихъ, т. е. эпохи Витовта (нач. XV в.) можно бы предположить, что литовскаго элемента въ составѣ южно-русскаго населенія мы не замѣчаемъ потому, что письменные памятники относительно состава населенія дошли до насъ уже изъ того времени, когда литовцы успѣли обрусѣть и принять фамиліи мѣстной русской формы.—Но замѣтное и явное обрусѣніе литовцевъ вообще на территоріи Литовскаго государства совершается на глазахъ исторіи,—именно во времена Витовта, въ началѣ XV в. Отъ этого времени мы имѣемъ уже достовѣрныя историческія свидѣтельства, дающія намъ возможность сравнить процессъ ассимиляціи литовцевъ на сѣверѣ—въ Бѣлоруссіи съ одновременнымъ составомъ населенія южной Руси. Составъ совѣта Витовта, т. е. высшихъ чиновъ литовскихъ, обозначенныхъ на актѣ Городельской уніи 1413 г., былъ таковъ: Монивидъ (воевода виленскій), Явинъ (троцкій), Мин-

---

[1]) См. Н. П. Дашкевича: „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства", стр. 57.

гайло (каштелянъ виленскій), Сунгайло (троцкій), Ненира Остикъ, Бутримъ, Голигинтъ, Николай Билиминъ, Корейво, Вышигердъ, Монтигердъ, Товтигердъ, Иванъ Гаштольдъ, Волчко, Кульва, Бусовда, Ядота, Рало, Иванъ Римовидовичъ, Гинендъ Концевичъ, Докса, Николай Бейнаръ, Волчко Когутовичъ, Як. Мингелъ, Вожнаръ Ворколовичъ, Григорій Сангава, Сакъ, Начко, Вербунтъ, Монстивильдъ, Стан. Вышигинъ, Войшинъ Даменковичъ, Монстольдъ, Андрей изъ Укнетовичъ, Качанъ Суковичъ, Іоан. Эйвильдъ, Стан. Бутовтовичъ, Мунимундъ изъ Сесниковичъ, Родвалъ, Кочанъ Мичухъ, Гердудъ, Куппа, Войдылъ Кошиловичъ, Сургутъ etc [1]). Здѣсь на всю большую массу именъ приходится только около пяти, звучащихъ по русски; то могли быть или обрусѣвшіе литовцы или старые русскіе бояре; но и эти послѣдніе могутъ быть отнесены на счетъ южной Руси. Здѣсь всѣ успѣхи обрусѣнія обнаруживаются пока христіанскими именами, присоединенными къ нѣкоторымъ литовскимъ фамиліямъ. Черезъ 9 лѣтъ послѣ Городельской уніи Витовтъ заключаетъ мирный договоръ съ орденомъ (27 сентября 1422 г.); изъ подписей на актѣ этого договора наблюдаемъ дальнѣйшіе слѣды потери племеннаго облика высшими литовскими фамиліями; именно, кромѣ князей, которые уже, большею частію, носили христіанскія имена, здѣсь находимъ: Михаила Ивановича—старосту кіевскаго, Григорія Семіоновича и Ивана Путяту—князей (duces) земель литовскихъ и русскихъ; изъ пановъ отмѣчаются: Войцѣхъ, иначе Монивидъ, Христіанъ, иначе Остикъ, Янъ, иначе Явнисъ, Георгій, иначе Бедигольдъ—староста подольскій, Румпольдъ—витебскій, Янъ Бутримъ—смоленскій, Михаилъ, иначе Монвидъ—староста гродненскій, Янъ, иначе Гримальдъ и etc [2]).

---

[1]) Vol. leg. I, 129—130; сл. ibid. стр. 131 и Данил. Skarb. Dyplomat. II, N, 1025 и 1026.

[2]) Даниловичъ: Skarb. Dypł. II, N. 1359.

Здѣсь, хотя литовскій элементъ уступаетъ мѣсто польскому (Войцѣхъ, Янъ и другіе) и русскому, но еще явно преобладаетъ; не остается никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ литовцами, за исключеніемъ трехъ первыхъ именъ, относящихся къ южной Руси. Даже въ самомъ концѣ княженія Витовта совѣтниками его были: Гедигольдъ—воевода и староста виленскій, Румбольдъ—маршалъ литовскій, Николай Малдрикъ [1]), Явнутъ—воевода троцкій, Гаштольдъ—маршалъ дворный [2]). Въ такомъ же (литовскомъ) составѣ остается рада вел. княжества и при Свидригайлѣ (какъ она обозначена на актѣ мирнаго договора съ орденомъ 1431 года [3])..

Совершенно иное находимъ мы въ тоже время, при томъ же Свидригайлѣ въ отдѣльной радѣ Волынской земли (т. е. южной Руси вообще): въ грамотѣ этого князя 1430 года Ивану Мышатѣ, данной въ Луцкѣ, мѣстная рада обозначена въ такомъ составѣ: князь Ив. Вас. Чорторызскій, п. Ив. Козаринъ, п. Немира—староста Луцкій, п. Гаврило Шило Кирдеевичъ, п. Василій Полоцкій, п. Пѣшко—маршалокъ, князь Ѳедоръ Козека, п. Семашко Епифановичъ, п. Федько Колодязскій—канцлеръ, Федько Козловскій [4]). Сравнивая это съ подписями на сѣверо-западныхъ актахъ, видимъ огромную разницу въ составѣ правительствующихъ лицъ.

Что литовскій элементъ составляетъ самую ничтожную примѣсь въ составѣ населенія южной Руси, и именно только въ составѣ высшаго—землевладѣльческаго класса, это можно прослѣдить по дошедшимъ до насъ грамотамъ мѣстныхъ князей. Въ грамотахъ временъ Ольгерда, Коріатовичей и Любарта почти не встрѣчается литовскихъ племенныхъ

---

[1]) Нарбутъ, VI, 548 и 554.

[2]) Даниловичъ: Skar. dypł. II. № 1514, 1515.

[3]) Нарбутъ, VII, dodatki, str. 9—16.

[4]) Ак. южн. и зап. Рос. I, № 18.

названій ни въ числѣ лицъ, получающихъ привилегіи, ни въ составѣ мѣстныхъ бояръ, свидѣтелей акта: въ 1375 г.—въ грам. Алек. Коріатовича свѣдки: Гринко, Рогожка, Прокопъ и Семенка Корабчевскіе; по грам. Витовта 1383 года получаетъ привилегію Василій Корачевскій; по грам. 1427 года Еськo Нешевичъ. По грамотамъ Свидригайла, писаннымъ въ Луцкѣ и Кіевѣ, на большую массу бояръ съ мѣстными русскими фамиліями, лишь изрѣдка является одинъ—два съ литовскими прозваніями; такъ въ грам. 1408 года, наряду съ Гулевичами, Кожариномъ, Волотовичемъ, Чорнымъ и Мукосѣевичемъ, и двумя съ сомнительными польскими наименованіями (п. Хохлевскій, п. Янъ Войницкій) является только одна фамилія литовская—Монвидъ—староста Подольскій и Кременецкій). По грам. 1431 года привилегію получаетъ Браславскій землянинъ, Карпъ Ивановичъ Микулинскій; другіе, упоминаемые въ томъ актѣ Браславскіе земляне: Тихонъ Слупыця, Вас. Омелковичъ, Сем. Юзыновичъ, Макс. Тымковичъ, Ярмола, Евсѣй, п. Кмыта; имена обозначенныхъ въ грам. 1430 года приведены выше. Въ грам. 1437, писанной въ Кіевѣ, между 11-ю свидѣтелями находимъ одного литовца-Войдила; по грам. 1438 года привилегію на имѣніе въ Летичевскомъ повѣтѣ получаетъ Григ. Стреченовичъ; въ грам. 1442 года, писанной въ Кіевѣ, въ пользу Андр. Воятовича, являются свидѣтелями: Носъ, Паорша, кн. Глинскій, Гулевичъ, Кирдеевичъ, Чорный, Дчюса и Стоянъ; изъ нихъ два звучатъ по литовски. Въ грам. 1445 года Петрашу Мыльскому, писанной въ Луцкѣ, свидѣтелями являются тѣ же русскіе бояре (Гулевичи и пр. съ присоединеніемъ Шила); тоже въ грам. 1446 года, писанной тамъ-же; при Казимирѣ получаетъ пожалованіе Кіевскій бояринъ Пирхайло.

Въ XV вѣкѣ, и въ началѣ XVI в. въ населеніи Кіевщины и Волыни видимъ только княжескія фамиліи (впослѣдствіи весьма многочисленныя но за то совершенно обрусѣвшія), несомнѣнно литовскаго происхожденія.

Отъ временъ Сигизмунда I до насъ дошла полная перепись князей и землянъ Волынской земли 1528 [1]); въ ней (кромѣ князей) находимъ болѣе, чѣмъ 200 фамилій, и между ними только двѣ литовскія: Прушкисъ и Монтовтовичъ. Конечно, къ тому времени нѣкоторые изъ литовцевъ, которые могли быть въ южной Руси, успѣли обрусѣть; но это въ свою очередь доказываетъ численное ничтожество здѣсь литовцевъ среди кореннаго русскаго населенія. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что племя, завоевавшее южную Русь, само отличалось замѣчательною этнографическою пассивностію; оно съ легкостію и быстротою усвояло себѣ чужой національный обликъ. Государство, имъ основанное, уже при Ольгердѣ, сдѣлалось вполнѣ русскимъ (по правительственному языку и учрежденіямъ); въ немъ не замѣчается никакой борьбы между племеннымъ литовскимъ началомъ и большинствомъ населенія—русскимъ. Лишь съ конца XIV вѣка высшіе классы литовцевъ начали съ такою же быстротою усвоять польскій этнографическій обликъ и съ тѣхъ поръ установилась замѣтная борьба между русскимъ и этимъ мнимо-литовскимъ (т. е. польскимъ) началомъ.

Въ переписи хоругвей 1421 г., сдѣланной по распоряженію короля Ягайла [1]), перечисляется составъ военно-служилаго класса, по всей видимости бѣлорусскаго. Въ ней между множествомъ именъ русскихъ и ополяченныхъ, встрѣчаемъ не мало фамилій чисто-литовскихъ, напр. Торвидъ Лерткевичъ, Вайшалкъ, Хоргавло, Гармонтъ, Подвялъ, Рештволъ, Вишуйло, Остейко, Сорвилъ, Товла, Гедговтъ, Биловтъ, Визердъ, Довгялло, Довгіалъ, Яловтъ, Есмунтъ, Явошъ,

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. XIII, № 6.

[1]) Перепись найдена нами въ актахъ Кіевскаго центральнаго Архива (въ выписи 1689 г.), и будетъ напечатана въ слѣдующемъ томѣ Актовъ о заселеніи юго-западной Россіи.

Сурвилъ, Ямонтъ, Есмонтъ, Майгертъ, Киркилло, Моршилло, Корбутъ, Монтигердъ, Друкша, Дербутъ, Сакгайло, Эйтвилъ, Скирдатъ, Герогайло, Мунтовтъ, Войкуръ, Воршило, Гойдемонъ, Монтвидъ, Гейгалъ, Нарбутъ, Рынводъ, Рогайло, Войнило и много другихъ. Хотя въ той-же переписи содержится и нѣсколько южно-русскихъ именъ, напримѣръ: Бойко, Волочко, Жаба, Кисель, Немира, Менчицъ, Лукашевичъ, Пузына, Кмита, Тышка и др.; но несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь перепись преимущественно бѣлорусскую.

Въ XV и нач. XVI в. отмѣчаются литовскіе землевладѣльцы въ кіевской землѣ, какъ особый классъ; въ уставн. кіев. грам. 1507 г. (которою подтверждены такія же грамоты Казимира и Александра) читаемъ: „А которые князи, и панове, и бояре литовскіе держатъ имѣнія въ кіевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣній съ Кіяны, самимъ своими головами“. Здѣсь литовскіе землевладѣльцы отличены отъ Кіянъ; очевидно ихъ не много, ибо о нихъ говорится, какъ объ исключеніи. Наконецъ „литовскіе паны“ въ то время были уже по національности – русскими.

Такимъ образомъ думаемъ, что литовское завоеваніе лишь отчасти и въ малой степени содѣйствовало внесенію литовской примѣси въ составъ южно-русскаго населенія,—примѣси начавшейся еще въ древнія времена и въ татарскую эпоху, о чемъ упомянуто было выше.

Литовское завоеваніе, т. е. образованіе одного государства изъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ русскихъ земель могло сопровождаться внутреннимъ передвиженіемъ русскихъ этнографическихъ группъ, т. е. сближеніемъ сѣверо-западнаго-бѣлорусскаго племени съ юго-западнымъ[1]). Уже въ

---

[1]) Существуетъ мнѣніе (Шараневича и Ир. Житецкаго) о томъ, что южно-русская колонизація литовскихъ и бѣлорусскихъ земель должна быть отнесена къ татарской эпохѣ; но съ этимъ

древнюю княжескую эпоху процессъ такого сближенія начался по частямъ въ пограничной Припетской странѣ, когда княжество Туровское отошло къ Кіевской землѣ и когда установилось родовое единство между смоленскими и кіевскими князьями. Въ государствѣ Даніила тотъ же процесъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, когда это государство подвигало свои колоніи черезъ землю Ятвяговъ къ сѣверу—въ нынѣшнюю гродненскую страну; Пинскъ принадлежалъ уже къ этому государству. Теперь для взаимнаго общенія между тою и другою группою русскихъ племенъ открылся самый широкій просторъ: южно-руссы, по дѣламъ государственнымъ подолгу живали въ Вильнѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ, получали тамъ владѣнія; бѣлоруссы большими военными массами приходили на югъ для защиты южной Руси отъ татаръ и могли получать здѣсь имѣнія. Самое движеніе литовскихъ завоевательныхъ дружинъ съ сѣвера на югъ должно было постепенно подвигать въ этомъ направленіи русское населеніе. Въ цѣломъ государствѣ несомнѣнно могъ бы установиться одинъ общій русскій типъ населенія, если бы тому не помѣшалъ складъ государства, допускавшій широкую провинціальную самобытность отдѣльныхъ частей. Благодаря этому, а еще болѣе отторженію южной Руси въ 1569 г. отъ литовскаго великаго княжества къ польскому королевству, объединительныя этнографическія начала не достигли полныхъ результатовъ: южноруссъ противопоставилъ себя бѣлоруссу, котораго именуетъ литвиномъ.—Но мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какое важное значеніе бѣлорусскій элементъ играетъ въ колонизаціи Днѣпровскихъ пустынь.

согласиться трудно; въ то время литовцы были не менѣе страшны, какъ и самые татары. Можно принять, какъ вполнѣ вѣроятную, гипотезу о колонизаціи южно-руссами ближайшихъ полѣсскихъ и бѣлорусскихъ областей.

Обозначивъ такимъ образомъ возможные общіе предѣлы литовскаго вліянія на населеніе южной Руси, посмотримъ, чтб сдѣлано въ эпоху первыхъ литовскихъ князей, т. е. Ольгерда и Витовта, для заселенія этой страны. Непосредственная дѣятельность Ольгерда на территоріи южной Руси начинается только ок. 1362 г., когда прогнавъ князя Ѳеодора, Ольгердъ, по словамъ лѣтописи, „началъ владѣть тѣми, кому отцы его дань давали", т. е. вступилъ въ непосредственное распоряженіе страною, которая до того времени управлялась удѣльнымъ княземъ-подручникомъ литовскихъ князей. Впрочемъ и потомъ отдѣльность и отдаленность южной Россіи отъ центра государства заставила Ольгерда вновь допустить здѣсь старый удѣльный порядокъ, такъ что во 2-й половинѣ XIV и въ 1-й половинѣ XV в. дѣло колонизаціи страны находилось въ рукахъ мѣстныхъ князей кіевскихъ (Владиміра, Свидригайла, и Олельковичей), и подольскихъ (Коріатовичей).—Обратимся къ Кіевщинѣ.

Княземъ кіевскимъ сдѣлался сынъ Ольгерда Владиміръ. Тогда наступаетъ эпоха новаго процвѣтанія кіевской земли, съ именемъ Владиміра Ольгердовича соединяется память о возстановленіи русской народности и процвѣтанія православной вѣры въ южной Руси; тогда Кіевъ сдѣлался соперникомъ Москвы и сталъ вновь резиденціею митрополитовъ, которыхъ не хотѣлъ признать великій князь московскій [1]). Долгое и мирное правленіе князя Владиміра должно было имѣть результатомъ возстановленіе спокойствія и безопастности въ окрестной странѣ, а слѣдовательно и увеличеніе населенности этого края. Во время смутъ, царствовавшихъ въ сѣверныхъ частяхъ литовскаго государства по смерти Ольгерда при Кейстутѣ, Ягайлѣ и въ первые годы правленія Витовта (1377—1392), кіевская

[1]) См. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе" Кіев. Стар. 1882 г. январь.

земля оставалась въ сторонѣ и пользовалась относительнымъ спокойствіемъ. Новый король польскій (Ягайло), очевидно, заискивалъ у могущественнаго князя кіевскаго и потому три раза обращался къ нему за полученіемъ отъ него присяги въ вѣрности. Благодаря самостоятельному положенію кіевскаго князя, династическая унія 1386 г. не произвела никакого переворота въ составѣ и характерѣ населенія кіевкой земли. Можно считать эту землю во второй половинѣ XIV в. государствомъ самостоятельнымъ, находившимся лишь въ союзѣ съ Литвою и потомъ Польшею. Установителю единодержавія въ Литвѣ—Витовту пришлось вновь завоевывать это государство; походъ Витовта 1392 г. на Кіевъ совершенно напоминаетъ походъ Гедимина 1321 г.; тогда опять взяты силою Овручь и Житоміръ; но Кіевъ и князь Владиміръ, уже не защищались. Князь бѣжалъ въ Москву и по возвращеніи, получилъ въ удѣлъ Копылъ. Въ Кіевѣ посаженъ княземъ братъ его Скиргайло Ольгердовичъ (1392—1396); но судьба кіевской земли отъ этого не измѣнилась. Скиргайло, титуловавшійся великимъ княземъ кіевскимъ, также держался русской національности и православной вѣры. Русское населеніе княжества не могло претерпѣвать тогда никакихъ новыхъ инородныхъ вторженій въ свою среду. По смерти Скиргайла Кіевъ не пересталъ быть самостоятельнымъ удѣломъ: въ немъ княжилъ Іоаннъ Ольгимунтовичъ (или Борисовичъ), погибшій въ битвѣ на Ворсклѣ 1399 г., а потомъ сынъ его Андрей Ивановичъ (упом. ок. 1420 г.) Свидригайло втягиваетъ Кіевъ въ сѣверныя усобицы и даже наводитъ иногда татаръ (1433 г). Но въ тѣ промежутки своей бурной жизни, въ которые онъ самъ управлялъ южною Русью, онъ опирался на русское православное населеніе въ своей борбѣ съ литовско-польскимъ элементомъ. Такъ продолжалось до Казимира, когда въ 1440 году кіевское княженіе утвердилось опять въ потомствѣ

Владиміра Ольгердовича, — т. е. въ такъ называемомъ родѣ Олельковичей. Первый изъ нихъ Александръ (Олелько) Владиміровичъ правилъ 1440—1455 г.; это опять былъ русскій князь православнаго вѣроисповѣданія, спасавшій южную Русь отъ первой попытки на церковную унію: онъ изгналъ Исидора, прибывшаго съ флорентійскою собора для провозгашенія здѣсь уніи, установленной тамъ; предъ концомъ жизни отъ даже принялъ постриженіе въ монашество. Сынъ и преемникъ его Семенъ Олельковичъ, княжившій отъ 1455 по 1471 г., держался неуклонно тѣхъ же русскихъ и православныхъ началъ въ своемъ управленіи.—Названнымъ князьямъ кіевскимъ и непосредственно Витовту принадлежатъ тѣ колонизаціонные успѣхи, которые сдѣланы въ то время на югѣ Кіевской земли.

Чтобы понять важность этихъ успѣховъ, надо видѣть при какихъ невыгодныхъ условіяхъ совершалось колонизаціонное движеніе русскаго населенія къ югу.

Новыя попытки колонизаціи были производимы среди повторявшихся новыхъ частичныхъ, но страшныхъ нападеній татаръ въ XIV и XV вѣковъ; при этомъ въ одинаковомъ положеніи съ кіевщиною находились и при-бужскія и приднѣстровскія степи, или такъ называемое Подоліе.

Преждевременное агресивное движеніе европейскихъ народовъ на востокъ при Ольгердѣ и Витовтѣ успокоеніе предѣловъ кіевской земли при Владимірѣ не дали еще продолжительныхъ и прочныхъ результатовъ. Знаменитая битва при Ворсклѣ 1399 года, когда Эдигей разбилъ на голову союзныя силы Руси, Литвы, и вспомогательныхъ полковъ польскихъ, нѣмецкихъ и волошскихъ, собранныя Витовтомъ, указала, что для Европы еще не кончилась эпоха оборонительный борьбы съ азіатскими варварами. Уничтоживъ войска Витовта, Эдигей дошелъ до самаго Кіева, который откупился

за триста рублей, но вся окрестная страна и даже вся Волынь были опустошены.

Въ 1416 году совершилось новое нашествіе Эдигея, которое въ мѣстной лѣтописи описано такъ: „Эдика, гетманъ Тамерлановъ царя татарскаго, поплѣни русскую землю, и Кіевъ, и Печерскій монастырь сожже и со землею соровна и даже доселѣ уже не може быти таковъ; но единаче замку тогда не може взяти въ Кіевѣ Едика“ (густ. лѣт.). Тогда же разрушенъ былъ замокъ Синяя Вода. Послѣдующія опустошенія южной Руси въ XV вѣкѣ отмѣчены густынскою лѣтописью въ такомъ порядкѣ. Подъ 1433 год. лѣтопись разсказываетъ, что „Свидригайло неспокойный привелъ татаръ на литву и ляховъ; татары же пришедши, узнали о силѣ ляховъ и литвы и не пошли (туда); только его (собственную) *Русскую землю* поплѣнили *около Кіева и Чернигова* огнемъ и мечемъ; безъ числа христіанъ въ плѣнъ повели“. Нельзя въ этомъ случаѣ винить только Свидригайла; то были плоды стремленій Польши захватить въ свои руки Русь,—стремленій, противъ которыхъ русскій князь принужденъ былъ выставить варваровъ. Затѣмъ въ лѣтописи находимъ длинный рядъ сказаній о нападеніи татаръ уже на Подолію: въ 1447 году „татаре многія пакости *на Подолю* сотвориша“; въ 1452 году опять „татаре многія пакости *на Подолю* сотвориша, и Баръ сожгоша, а потомъ и около Львова пакости твориша; и не могоша ихъ наши одолѣти“. Въ 1453 году „татаре многія пакости на Волыню сотвориша; но поражены быша“. Въ 1457 года татаре много зла *на Подолю* сотвориша; прыйде же противу имъ Варѳоломей Бучацкій, хотя ихъ изгнати; но понеже мало имѣяху дружины, побіены быша отъ татаръ“. Въ 1462 года „Литву и Волынь татаре поплѣниша“. Въ 1469 году „татаре заволжскіе пришли въ нашу (южную) *Русскую землю* и раздѣлились на три части: одни пошли въ *Подолье*; но тамъ не много зла сдѣлали; будучи отражены

тамошними храбрыми воеводами; другіе пошли на Литву и тамъ безъ мѣры зла сотворили огнемъ и мечемъ около Житоміра, Кременца, Владиміра; третьи пошли на Волоховъ".

Среди такихъ то обстоятельствъ Литовско-Русскому государству, а въ частности княжеству Кіевскому приходилось вести свою колонизаціонную дѣятельность. И при такихъ условіяхъ русское государство успѣло не только возстановить населеніе въ своихъ древнихъ предѣлахъ (т. е. въ границахъ Кіевскаго княженія временъ до-татарскихъ), но и подвинуть границы русской колонизаціи въ тѣ степныя пространства, гдѣ до того времени никогда не бывало русской осѣдлости, и даже коснуться передовыми колоніями береговъ Чернаго моря.

Впрочемъ самыя опустошенія татаръ должны были подать мысль о томъ, что успѣшная борьба съ варварами возможна только при помощи средствъ, доставляемыхъ европейскою культурою, т. е. приходилось подвигаться въ степи укрѣпленными поселеніями.

Опредѣлимъ сначала границы, охваченныя на югѣ великимъ княжествомъ (отъ половины XIV до второй половины XV вѣка), а потомъ укажемъ главныя черты русской колонизаціи внутри этихъ границъ.

Уже Ольгердъ наметилъ своимъ мечомъ южные предѣлы Кіевской земли по Синюю-воду (Синюху) и Бѣлобережье, т. е. Запорожье: „князь Литовскій Олгердъ Гедиминовичъ Синюю воду и Бѣлобережье повоева", говоритъ никоновская лѣтопись, конечно съ голоса болѣе раннихъ источниковъ. Съ этимъ совпадаетъ извѣстное сказаніе бѣлорусскихъ лѣтописей о побѣдѣ Ольгерда надъ татарами на Синихъ водахъ, фактъ, относимый изслѣдователями къ 60-мъ годамъ XIV вѣка (съ нимъ намъ придется столкнуться ниже),—фактъ, который, по нашему мнѣнію, нѣтъ причинъ заподозрѣвать и переносить въ эпоху Витовта. Но это воеваніе Ольгерда въ южныхъ степяхъ кіевскихъ и подольскихъ не означаетъ еще

прочнаго пріобрѣтенія территоріи для русской колонизаціи. Твердое обозначеніе границъ постройкою укрѣпленій въ то время не могло еще зайти за Рось. Страна между Кіевомъ и Росью, заселенная еще въ до-татарскую эпоху, не могла оставаться пустою, ибо въ этой мѣстности лежало упомянутое выше княжество поросское; въ этой же мѣстности уцѣлѣли до нынѣ поселенія съ именами до-татарскаго періода. Если и не признавать никакой достовѣрности за сказаніями Стрыйковскаго о томъ, что Ольгердъ очистилъ отъ татаръ между прочимъ *Бѣлую церковь*, то самая сущность дѣла заставляетъ признать существованіе укрѣпленій на верхней Роси и Стугнѣ въ XIV вѣкѣ. Показаніе Балинскаго о томъ, что Ольгердъ заселилъ Бѣлую церковь „своимъ людомъ" [1]), разумѣется, не есть историческій фактъ, а догадка, но за то отень правдоподобная т. е. мы считаемъ вѣроятнымъ укрѣпленіе Ольгердомъ границы по рѣку Рось.

Владиміру Ольгердовичу и Витовту принадлежитъ расширеніе границы къ югу.

Нарбутъ и другіе приписываютъ Витовту возобновленіе Канева, основаніе Черкасъ, Кременчуга, Мишурина Рога и таможни на Тавани, укрѣпленія Дашева, построеніе на берегу Чернаго моря Очакова и устройство гавани Хаджи—бей, т е. Одессы, а также крѣпостей Караула, Гербердеева и Упска. Но здѣсь съ именемъ Витовта соединенъ трудъ многихъ поколѣній, предшествующихъ и послѣдующихъ. Выдѣлить въ этой исторіи колонизаціонныхъ движеній южной Руси къ Черному морю послѣдовательныя ступени ея и пріурочить каждую изъ нихъ къ имени того или другаго князя, — невозможно при наличныхъ источникахъ. Можно признать за несомнѣнныя лишь слѣдующія соображенія: до Витовта *Черкасы* несомнѣнно уже существовали, какъ

---

[1]) Starożyt. Polska, T. II, стр. 490.

поселеніе особаго народца и какъ укрѣпленіе, тянувшее къ Кіевской землѣ: Витовтъ, смѣщая Владиміра Ольгердовича, въ числѣ прочихъ пригородовъ Кіевской земли, овладѣлъ Черкасами. Итакъ, если не относить основаніе этого укрѣпленія ко времени Гедимина (о чемъ упомянуто выше и о чемъ скажемъ сейчасъ), то надо признать, что среди жившаго здѣсь издавна народца, воздвигнуто укрѣпленіе княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ.

Правда есть догадки о существованіи Черкасъ еще въ до-татарскую эпоху ибо тюркскіе народцы, жившіе здѣсь уже тогда именовались черкасами (Кар. И. Гос. Р. II, прим. 396), но это могло относиться къ народу, а не къ городу. Равн. обр. неизвѣстно, на чемъ основано показаніе Болтина, о возникновеніи Черкасъ около 1284 г., когда будтобы бѣжали сюда колонисты изъ Рыльскихъ слободъ баскака Ахмата, послѣ разрушенія этихъ слободъ княземъ Олегомъ. Также нѣтъ основаній принять показаніе литовскихъ лѣтописей о томъ, что Гедиминъ уже засталъ Черкасы существующими, когда завоевалъ Кіевское княжество въ 1321 году; ибо нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы русская колонизація въ эпоху татарщины зашла такъ далеко на югъ. Еще менѣе можно считать историческимъ фактомъ преданіе, разсказанное мѣстными жителями люстраторамъ 1552 г. объ основаніи Черкасъ Гедиминомъ.

Собственно Витовту можетъ быть приписано дальнѣйшее распространеніе укрѣпленной линіи до пороговъ днѣпровскихъ: имъ построены: *Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ,* устроена *Таванъ* и можетъ быть *Бужинъ* на Днѣпрѣ (городъ, по преданію, большой и весьма древній); укрѣпленная линія отъ Днѣпра шла поперекъ степей, чрезъ среднее теченіе Буга, гдѣ основанъ *Дашевъ* (нынѣ мѣстечко Липовецкаго уѣзда); Витовтомъ же чрезъ Бугъ устроенъ каменный мостъ (развалины котораго видны были еще въ XVI в.).—Далѣе Витовту принадлежитъ

расширеніе предѣловъ государства до Чернаго моря: имъ основаны поселенія: *Чичаклей* (нынѣ село Ананьевскаго уѣзда), *Баргунь* и *Тягинка* (поселенія Херсонскаго уѣзда). Поселенія на Днѣстрѣ и по берегу Чернаго моря выдвинуты со стороны Подолія въ тѣже времена; именно *Очаковъ* и *Хаджибей* несомнѣнно существовали при Витовтѣ въ составѣ литовскаго государства (объ Очаковѣ Гваньини сообщаетъ: „quae quondam *Vitoldi tempore* Litwaniae colonia erat“). Изъ Хаджибея (Одессы) король Ягайло отправлялъ хлѣбъ.

Во всякомъ случаѣ со стороны юго-востока предѣлы литовскаго государства въ то время дошли до Чернаго моря не посредствомъ фиктивныхъ правъ завоеванія, а въ силу фактическаго обладанія южными степями. Русскія поселенія никогда прежде, въ самую блистательную эпоху Владиміра святаго и Мономаха, не доходили до этихъ предѣловъ.

Огромная часть этого пространства въ XV в. входила въ составъ княжества кіевскаго; оно простиралось съ сѣвера отъ Мозыря за Припетью на югъ до Чернаго моря, и съ запада отъ бассейна Днѣстра [1]) на востокъ до Донца [2]). Въ предѣлы кіевскаго княжества включалось не только будущее кіевское, воеводство, но и браславское и часть подольскаго, а также все заднѣпровье отъ Любеча до Засулья. На его долю именно и выпала колонизаціонная работа во всѣхъ южныхъ степяхъ, кромѣ юго-западнаго угла Подолія, имѣвшаго иную судьбу. Указанныя границы великаго княжества были опредѣлены точнѣе при князѣ Семенѣ Александровичѣ, т. е. во 2-й половинѣ XV в.; князь посылалъ своего черкасскаго намѣстника Свиридова, который, объѣхавъ лично, клалъ по

---

[1]) См. ниже приводимую грамоту Семена Александровича 1459 года. Въ XIV в. По-бужье относилось еще къ Подолью.

[2]) См. ниже привед. „обводъ границъ“, по распоряженію князя Семена Александровича.

урочищамъ границы съ землею татарскою, городомъ Очаковомъ и съ землю Волошскою, обозначивъ ихъ такъ: земля великаго княжества Литовскаго началась отъ Морахвы рѣчки, которая впала въ Днѣстръ; потомъ внизъ по Днѣстру, мимо Тягиня (Бендеръ) до впаденія Днѣстра въ море; отъ устья Днѣстра Лиманомъ пошла граница мимо Очакова до устья Днѣпра, а отъ устья Днѣпра до Тавани; у Тавани перевозы были великокняжескіе наполовину съ перекопскимъ царемъ. На той сторонѣ Днѣпра граница шла по Овечью-Воду; отъ верховьевъ Овечьей-Воды до верховьевъ Самары и Оргѣя, оттуда до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну [1]). Тѣ же границы юридически признаваемы были еще въ XVI в.; въ актѣ разграниченія литовско-русскаго государства отъ королевства польскаго, между прочимъ читаемъ; „внизъ Днѣстра по половицы рѣки ажъ до Видова Озера—великое княжество литовское“ [2]). Но тогда эти границы, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, фактически сократились (послѣ разгрома Менгли-Гирея). Когда такія широкія границы были отмежованы мечемъ Ольгерда и укрѣплены Витовтомъ, то въ XV в. князьямъ Кіевскимъ предстояло внутри ихъ до нѣкоторой степени свободное поле насажденія колоній.

Уже изъ изложенныхъ выше свѣдѣній о томъ, что границы государства были опоясаны укрѣпленными пунктами, слѣдуетъ, что первымъ пріемомъ колонизаціи могла быть только *военная колонизація:* впереди мирныхъ поселеній выдвинуты были *замки*, подобные тѣмъ острожкамъ, которыми подвигалась сѣверно-русская колонизація въ донскія и волжскія степи. Сами по себѣ подобные замки не означаютъ еще прочнаго заселенія страны; внутри ихъ сидѣлъ служилый военный людъ, временно занимавшій стражу, еще не прочно

---

[1]) Акты Зап. Р, II, N. 199,

[2]) Вилен. Археограф. Сборн. т. I. стр. 126.

связанный съ мѣстностію; лишь потомъ эти военные люди дѣлаются и мѣстными землевладѣльцами. Вокругъ замковъ могли быть и были пустынныя степи, по которымъ могли (хотя и съ меньшею свободою) двигаться толпы кочевниковъ,

Но такой, исключительно военный, характеръ имѣли въ началѣ XV в. лишь самые отдаленные украинные замки; внутри государства укрѣпленныя поселенія уже сдѣлались зерномъ, около котораго кристаллизуется мирно-гражданское населеніе. Здѣсь замки-города были слѣдующіе: *Кіевъ, Житоміръ, Овручъ, Чернобыль, Каневъ, Остеръ и Любечъ;* по показанію древнѣйшей Кіевской люстраціи и актовъ, къ этому счету надо прибавить слѣдующіе города, стоявшіе ближе къ степямъ: *Чудновъ, Вѣницу* (Винницу), *Хмѣльникъ, Межибожъ, Божскъ, Летичевъ, Браславль,* и на лѣвой сторонѣ Днѣпра *Прилуки* (Полт.). Этотъ списокъ существенно дополняется весьма важнымъ актомъ начала XVI вѣка т. е. ярлыкомъ Менгли-Гирея. Въ 1506 году знаменитый ханъ крымскій Менгли-Гирей прислалъ населенію южной Руси („всимъ русскимъ людемъ“) извѣстный нелѣпо-притязательный ярлыкъ, въ которомъ онъ утверждаетъ, что предки его, и особенно Хаджи-Гирей еще до Витовта, а потомъ при Казимирѣ пожаловали великихъ князей литовскихъ всѣми русскими землями, и въ особенности южно-русскими (о литовскихъ умалчивается). Такое обращеніе къ населенію Литовскаго государства, какъ „къ людямъ русскимъ“ въ высшей степени знаменательно, указывая, какъ сосѣди, даже варвары, смотрѣли на это государство. Въ перечисленіи русскихъ земель, сдѣланномъ въ ярлыкѣ, очевидно вспоминаются весьма давнія поселенія, ибо указаніе, какъ на древнее пожалованіе, такихъ территорій, которыя заселены при самомъ Менгли-Гиреѣ и великомъ князѣ Александрѣ, было бы слишкомъ нелѣпо; сверхъ того, самъ Менгли-Гирей опустошилъ въ 1482 году всю южную Русь, а потому къ началу XVI вѣка поселенія не увеличились здѣсь,

а уменьшились сравнительно съ началомъ XV вѣка. Поэтому поселенія, упоминаемыя въ ярлыкѣ, мы въ правѣ отнести по крайней мѣрѣ къ началу XV вѣка. Въ ярлыкѣ ханъ называетъ между прочимъ: Подольскую тму (округъ), Каменецкую тму, Браславскую, Сокальскую тму, Звенигородъ „со всими входы и з данми и съ землями и водами“, Черкасы, Хачибеевъ Маякъ (Одессу), вообще на правой сторонѣ Днѣпра, начиная отъ Кіева Днѣпромъ до устья его; а на лѣвой сторонѣ: Снепорожъ, Глинскъ, Жолвяжъ, Путивль, Биринъ, Синечъ, Хотѣнъ, Лосичи, Хотмышлъ, Черниговскую тму, Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюбъ (Радогощъ), Мужечъ, Осколъ, Стародубъ и Брянскъ и т. д.; затѣмъ возвращаясь къ югу, ханъ называетъ: между прочимъ Балыклы, Карасунъ, городокъ Дашевъ, городище Тушинь, Немиръ, Мушачъ, Ходоровъ, „со всими ахъ выходы и данми и землями и водами“. Прибавка о выходахъ и даняхъ дѣлается не вездѣ, но именно въ отношеніи къ такимъ округамъ, въ которыхъ предполагается осѣдлое населеніе; о нѣкоторыхъ (напримѣръ Хачибеевомъ Маякѣ) говорится только: „съ водами и землями“. Такимъ образомъ мы находимъ, что въ 1-й половинѣ XV вѣка въ степной украинной полосѣ стояли: на лѣвой сторонѣ Днѣпра города: *Глинскъ, Снепорожъ* (кромѣ черниговскихъ и курскихъ городовъ); а на правой: Черкасы, *Балаклѣй* (с. Черкасскаго уѣзда), *Корсунь* (Карасунъ), *Ходоровъ* (Канев. у.) Дашевъ, *Мушачъ* (м. б. Мушуровъ Звенигородскаго уѣзда), *Звенигородъ*, Браславъ, *Немировъ* (Немиръ), Сокаль, Тушинь. Ко многимъ изъ изъ нихъ тянетъ округъ — „тма“; населеніе обложено данями (Ср. списокъ городовъ у Данил. Skar. dypl. I, 746).

Такимъ образомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра укрѣпленною и населенною является страна по рѣку Сулу,— на правой вся страна къ сѣверу отъ линіи, идущей отъ Черкасъ, чрезъ Звенигородъ и Браславль, т. е. пересѣкающей Бугъ и направляющейся къ бассейну Днѣстра, приблизительно подъ 49°

с. ш.. Далѣе на степномъ берегу Чернаго моря между устьями Днѣпра и Днѣстра стояли лишь отдѣльныя укрѣпленія.

Замки были укрѣпленіями, незначительными по объему и не всегда достаточно крѣпкими; они, пользуясь удобствами мѣстности, отчасти укрѣплялись земляными валами, на которыхъ стояли большею частію деревянныя стѣны, пресѣкаемыя башнями. Постоянное, немногочисленное населеніе замковъ, состояло (кромѣ намѣстника и его людей) изъ служилыхъ лицъ, которыя считались лишь десятками; но за то лицъ, закаленныхъ впечатлѣніями вѣчной опасности.

Вокругъ замковъ и подъ защитою ихъ селились люди промышленные, впослѣдствіи наименованные мѣщанами, хотя это было также полу-военное населеніе, содержавшее сторожу въ полѣ и на стѣнахъ своихъ укрѣпленій. Поселеніе ихъ вокругъ замка окружалось *острогомъ*. Такимъ образомъ военная колонизація ведетъ за собою *городскую промышленную*.

Вблизи замковъ и подъ защитою ихъ садятся *села*, которыя вмѣстѣ съ замками уже тогда составляютъ цѣлые „повѣты" [1]). Многія изъ поселеній остались здѣсь отъ временъ до—татарскихъ (Прилука, Володорка и др.), нѣкоторыя отъ эпохи татарской (Охматовъ и др.). Въ своемъ мѣстѣ мы представимъ содержаніе древнѣйшей кіевской люстраціи (ок. 1471 года), по которой многія села именно отмѣчены какъ существовавшія при Витовтѣ; таковы: *Терпсеевъ, Цветковъ, Гуляльники, Водотынинъ, Соколча, Головчинъ, Ходорково, Почуйково, Ртищевъ, Иноходковцы, Евдадыевъ, Охремовцы, Онтоновъ*. Всѣ эти села въ описи обозначены: „на Роси"; они дѣйствительно уцѣлѣли

[1]) А. Ю и Р. I, № 20. Нижепредставляемыя свѣдѣнія о сельскихъ поселеніяхъ XV в. всѣ будутъ относится къ Кіевскому повѣту и южно-степнымъ мѣстамъ (повѣтамъ Черкасскому, Браславскому, Хмѣльницкому, Винницкому и др.), не касаясь такихъ центральныхъ мѣстъ, каковы повѣты Житомірскій, Овруцкій, Любечскій и Остерскій, о заселенности которыхъ не можетъ быть сомнѣній.

большею частію до нашихъ дней подъ тѣми же именами въ бассейнѣ р. Роси, но не на правой, а на лѣвой сторонѣ этого бассейна. Всѣ они населены преимущественно служилыми людьми, хотя не мало въ нихъ и простаго земледѣльческаго населенія. Частнаго землевладѣнія здѣсь почти не видно; колонизація ведется непосредственно сельскимъ низшимъ населеніемъ (крестьянами) и равными имъ по положенію „слугами"; это полувоенное населеніе есть именно такое, какое и должно быть въ ту эпоху и въ той мѣстности (но такъ какъ кіевская люстрація относится во всякомъ случаѣ уже ко 2-й пол. XV в., то мы представимъ о ней болѣе подробныя свѣдѣнія въ своемъ мѣстѣ).

Многія изъ селъ, названныхъ въ древнѣйшей люстраціи, названы также въ „Записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ" въ пользу Софійскаго монастыря, относящейся къ нач. XV в. [1]); таковы города и села: Чудновъ, Романово, Сокольча, Скочище, Водотыинъ и др. Но здѣсь упоминаются и другія поселенія, какихъ нѣтъ въ послѣдующей описи: Клочкевичи, Сельцо, *Нородичи, Хобное, Няневщина, Шумскъ, Новое село, Княжичи*, и сверхъ того нѣсколько т. н. „земель„, которыя могли быть простыми угодьями (для рыболовства, пчеловодства и охоты), хотя владѣвшіе этими землями несомнѣнно сидѣли сами на нихъ; такова Полочанская земля, Подолѣшенская земля подъ Полозомъ (т. е. во владѣніи Полоза), Ильечевская земля, Ондрѣевскій островъ на Уши подъ Мартиновичами, Ильинскій островъ, Малинская земля, Либѣвическая, Мѣхѣевская земля и другія упоминаемыя и въ древнѣйшей люстраціи.

Такъ шла впередъ *земледѣльческая (крестьянская)* колонизація, полу-служилая, полу-военная. Нѣтъ сомнѣнія, такая колонизація—самая прочная, потому что земледѣльческій трудъ, связывая поселенца съ почвою, побуждаетъ его вновь

[1]) А. З. Р. I № 26. Археограф. коммиссія помѣтила этотъ актъ „1415 г. или позже".

возвращаться на старое мѣсто даже тогда, когда бурный набѣгъ татарщины сравняетъ его жилище съ землею и лишитъ его семьи. Трудъ этого рода требуетъ многочисленнаго и нескученнаго населенія.

Съ XV вѣка начинается и *землевладѣльческая колонизація* кіевскихъ украинныхъ мѣстъ. Первоначально частными землевладѣльцами дѣлались владѣльцы упомянутыхъ пустырей и лѣсныхъ участковъ, которые прежде принадлежали имъ на правахъ потомственнаго пользованія, а затѣмъ на правѣ собственности. Раздача такихъ пустынь, съ правомъ призывать новыхъ поселенцевъ, во всѣхъ отношеніяхъ была выгодна для государства. Заселенныя имѣнія даются рѣдко; раздача населенныхъ мѣстъ усиливается только при великомъ князѣ Александрѣ и при Сигизмундѣ I-мъ. Именно такою раздачею степей и лѣсовъ подвигается тогда русская колонизація къ югу отъ Роси и въ пустынныхъ мѣстахъ заднѣпровья. Письменныя свидѣтельства о раздачѣ земель въ Кіевщинѣ частнымъ владѣльцамъ идутъ со временъ Владиміра Ольгердовича: онъ (будто бы) въ 1390 году подтвердилъ Юрію Ивановичу (потомку Тугорхана Каримана князя Половецкаго, тестя князя Святополка) нѣсколько имѣній (пожалованныхъ его предкамъ) на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра (въ вознагражденіе за то, что его отчины опустѣли отъ татаръ), а именно на правой сторонѣ: *Славовъ, Мыцко* при Тетеревѣ (Радомысль), *Рудню, Кочеровъ, Велицу, Охотовъ.* Сверхъ того ему подтвержденъ „отдѣлъ Сквирскій“, унаслѣдованный имъ отъ Тугорхана по рѣкамъ Роси, Растовицѣ и Каменицѣ, который прежде звали Сквирою, а теперь (при князѣ Владимірѣ) „повѣтовщиной, въ томъ числѣ: Сквира, Ягнятинъ, Трилѣсье, Фущово (Фастовъ)[1].

---

[1]) См. Руликовскаго: „Opis. powiatu Wasilkowsk., стр. 33 и Похилевича: „Сказаніяя“, стр. 190, Въ этихъ грамотахъ кн. Вла-

На „сѣверской“ (лѣвой) сторонѣ Днѣпра ему даны: *Рожны*, *Крехово*, *Осово*, *Свѣтильново*, *Бердово*, *Островецъ*, *Буковъ*, *Варно*, *Волузовъ*, *Нѣжинъ*, *Дорогинъ*, „со всѣми урочистыми пущами, начавши отъ Десны по Удай и по Остеръ; а также и *Сосновскій отдѣлъ* и *Высогоръ*.

Потомку этого Юрія Рожиновскаго — Михаилу, сынъ князя Владиміра Александръ подтвердилъ, по грамотѣ отца своего („бардзо спустошалой“), его имѣнія, а именно: въ Полѣсьѣ на Звиздени (Здвижу) и Тетеревѣ: Тимевичи, Тригобивичи, Коленца, Трудемевичи, Микуличи, Хвилимоновщину, Гульльники на Стугнѣ, Бѣлки и Глѣбовъ на Рпени (Ирпени). Если не признать грамотъ Владиміра и Александра подлинными, необходимо отнести составленіе ихъ къ довольно раннему времени и такимъ образомъ признать, что обширныя степи на юго-западѣ Кіевщины и за Днѣпромъ уже были раздаваемы частнымъ лицамъ съ цѣлію колонизаціи пустынь.

Въ напечатанныхъ актахъ временъ Витовта и Свидригайла находимъ нѣсколько пожалованій имѣній въ Кіевщинѣ; для примѣра укажемъ жал. грам. Свидригайла 1437 г. слугѣ Каленику Мышковичу на нѣсколько селъ въ Житомирскомъ и Овручскомъ повѣтахъ [1]); его же 1438—слугѣ Григорію Стреченовичу на села *Бѣликовцы* и *Слободку* въ Летичевскомъ повѣтѣ [2]) (гораздо большая часть привилегій Свидригайла относится къ волынскимъ имѣніямъ, чтó имѣетъ мало отношенія къ вопросу о колонизаціи). По отношенію къ степнымъ мѣстамъ въ при-бужской украйнѣ въ актахъ сохра-

---

диміра и Александра весьма подозрителенъ языкъ, который, впрочемъ, можетъ быть отнесенъ на счетъ неисправности позднихъ списковъ. Содержаніе же грамоты основателю рода кн. Рожанскихъ отчасти подтверждается дѣйстяительнымъ владѣніямъ Рожинскихъ на обоихъ берегахъ Днѣпра.

[1]) Ак. южн. и зап. Рос. I. № 19.

[2]) Ibid. № 20.

няются свѣдѣнія о раздачѣ ихъ при Витовтѣ; такъ въ 1580 г. въ гродскій судъ Браціавскій была предъявлена явка о томъ, что документы отданные для храненія въ Винницу частному лицу, сгорѣли во время нападенія на замокъ Крымскаго хана; въ томъ числѣ пропали привилегіи великаго князя Витовта и короля Олбрахта Костѣ Кошиловичу на селища въ воеводствѣ Браславскомъ: *Ублинъ, Пашковцы, Совранъ, Бесѣдки, Киросовцы, Деренковцы, Кошиловцы, Олешковцы, Урви-Животы и Харпаки* [1]).

Пожалованія князя Александра Владиміровича въ пользу частныхъ лицъ направлены на внутреннія и сѣверныя части Кіевщины; такъ въ декретѣ между княземъ Вишневецкимъ и п. Волковскимъ 1612 указывается на двѣ грамоты великаго князя Казиміра: первая (мая 19, инд. 1) къ князю Александру Владиміровичу, чтобы онъ возвратилъ земли въ воеводствѣ Кіевскомъ надъ р. Ушею (Ловецкую и Тихиревскую) Грыню Пашиничу и Макару Волковичу, съ обязанностями земской службы, на правахъ, одинаковыхъ съ прочими землянами Кіевскими. Другою грамотою тогоже Казиміра (сенг. 24, инд. 2), великій князь утверждаетъ упомянутую землю, возвращенную княземъ Александромъ Владиміровичемъ, въ потомственномъ владѣніи Пашинича и Волковича [2]).

Кн. Семенъ Александровичъ подвинулъ болѣе колонизацію въ степныя южныя пространства; такъ (по показанію грамоты великаго князя Александра 1494 года) онъ далъ боярину Кіевскому Ершевичу имѣніе *Мошны* (въ Черкасскомъ повѣтѣ; „а въ томъ имѣніи были люди ясачные, къ Черкасомъ служили ясачную службу"; послѣ князя Семена они были частію побиты татарами, частію ушли въ Черкасы. Великій князь Александръ, подтверждая права сына Ершевича на Мошны,

---

[1]) К. ц. арх. кн. № 4804, л. 256 и слѣд.

[2]) Кіев. центр. арх. кн. № 1146, л. 457.

позволяетъ ему „людъ садити“; но уже приказываетъ Черкасскому намѣстнику не привлекать ихъ къ Черкасской ясачной службѣ и „дать имъ покой; нехай они ему служатъ потому, какъ „въ иншихъ бояръ Кіевскихъ люди господарамъ своимъ служатъ“ [1]). Въ этомъ и выражается огромная разница землевладѣльческой колонизаціи XV вѣка отъ такой же XVI вѣка (начавшейся со временъ великаго князя Александра и особенно усилившейся со времени Люблинской уніи). Первая привлекала свободное—полувоенное населеніе крестьянъ; вторая шляхетская—имѣла въ виду не интересы страны (ея заселеніе), а интересы отдѣльныхъ лицъ и высшаго класса.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ пожалованій южныхъ пустынь являетси подтвердительная жалов. грамота князя Семена Александровича слугѣ его Іер. Шашку 1459 года: въ ней великій князь Кіевскій подтверждаетъ Шашку право потомственнаго владѣнія городищемъ Тимоловомъ, и лѣсами: Гнилецкимъ, Томиловымъ, Печенѣжцемъ, Ключовымъ, Бугаевымъ и „другими лѣсами, лѣсками, и землями“ по рѣкѣ Русавѣ до впаденія ея въ Днѣстръ, „городищами и урочищами по рѣкѣ Кусницѣ и Кусночкѣ и по рѣкѣ Каменицѣ по Сухую Каменицу“, съ подойминами по рѣкѣ Рашковку, впадающую въ Днѣстръ, со всѣми стѣнками, ярами и долинами по берегу Днѣстра и въ „поляхъ“. Такимъ образомъ дается большое пространство пустой земли по Днѣстру; ни о какомъ крестьянскомъ населеніи въ этихъ имѣніяхъ не говорится, владѣлецъ долженъ самъ созвать это населеніе.

Въ этомъ же характерѣ утверждается частное землевладѣніе и въ при-бужскихъ степяхъ, около Хмѣльника, Винницы и Браслава. Тамъ находимъ и частное землевладѣніе въ точномъ

---

[1]) Похилевичъ: „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіев. губ.“, стр. 620.

[2]) См. „Грам. вел. князей“, изд. Антоновича и Казловскаго, № 9.

смыслѣ и древній способъ временнаго пользованія волостями, поочередно предоставляемаго боярамъ мѣстнаго замка. Судя по грамотѣ 1431 года данной Свидригайломъ, около Браславскаго замка находятся „земляне“ (частные владѣльцы): Карпъ Ив. Мокулинскій, владѣющій Микулинскими имѣніями, въ частности Почапинцами, а также паны: Макс. Тымковичъ, Ярмола, Евсей, п. Кмита.

Другой способъ землевладѣнія находимъ въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ; Хмѣльницкіе бояре защищаютъ свой грунтъ (приписанный къ замку) in commune, какъ общій для нихъ [1]). Поочередное владѣніе бояръ замковыми грунтами извѣстно какъ изъ общихъ уставныхъ грамотъ Кіевской земли, такъ изъ (неизданныхъ еще) актовъ литовской метрики о раздачѣ земель Казиміромъ Ягелловичемъ.

Изъ пожалованій Казиміра и Александра обнаруживается существованіе многихъ силъ и землевладѣльческихъ имѣній въ Кіевскомъ Винницкомъ и Браславскомъ повѣтахъ, возникновеніе которыхъ должно быть отнесено покрайней мѣрѣ къ половинѣ XV вѣка. Въ „записи о томъ кому король (Казиміръ) имѣнія раздалъ“ [2]) между прочимъ отмѣчается: „Ходыцѣ Басючу берегъ бобровые гоны у Версѣхъ подъ его дворомъ по Устынѣ одъ Днѣпра до Княжичь“. Таковы же пожалованія великаго князя Александра: Сеньку Полозовичу на имѣніе Хабное въ Завшской волости „зъ дачкой грошовою и медовою и съ неделскими ведры и съ побережными куницами“ (1494 года окт. 26); пожалованіе с. Соколовичей въ Кіевскомъ повѣтѣ дворянину великаго князя Сурину (1493 года окт. 20); пожалованіе намѣстнику Овруцкому Горностаю Романовичу на человѣка Дитятковича въ Кіевскомъ повѣтѣ („тотъ человѣкъ Дитятковичъ даивалъ отцу нашему съ тое земли, на

---

[1]) Ibid. № 4.

[2]) Лит. метр. зап. кн. IV.

которой онъ седитъ, дани четыри карамоны меду; и мы ему того человѣка дали вѣчно, потому, какъ и отцу нашему служивалъ", — 1494 года мая 7); подтвержденіе намѣстнику Винницкому Быку Александровичу на имѣніе Жерковщину въ Браславскомъ повѣтѣ, въ слѣдствіе уступки ему этого имѣнія отъ Браславской землянки Кахны (инд. 12, янв. 24)[1]. Не умножаемъ примѣровъ пожалованій другими свидѣтельствами актовъ изданныхъ[2]) и неизданныхъ, не находя этого необходимымъ для специальныхъ цѣлей исторіи колонизаціи. Характеръ первоначальнаго землевладѣнія въ южной Руси, въ литовскую эпоху, въ высшей степени важный самъ по себѣ, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія; здѣсь мы касаемся его лишь для того, чтобы показать, что землевладѣльческая колонизація степей въ XV вѣкѣ была военно-гражданская; а) землю получали мѣстные служилые люди, обязанные защитою мѣстнаго замка; б) получали подъ условіемъ службы, которую они несли не только наравнѣ съ прочими классами, но и по преимуществу; в) крестьяне частно-владѣльческихъ имѣній, оставаясь свободными, призваны были служить не одному своему пану, а вмѣстѣ и государству; такимъ образомъ колонизація XV вѣка не приводила съ собой крѣпостнаго права, чѣмъ существенно она отличается отъ шляхетской колонизаціи XVI вѣка.

Одинаковое значеніе съ землевладѣльческой колонизаціей имѣетъ въ южной Руси *монастырская колонизація,* отличающаяся отъ такой же сѣверно-русской колонизаціи тѣмъ, что на сѣверѣ, въ лѣсной полосѣ, монастыри сами были передовыми колоніями и вели за собою промышленныя и земледѣльческія поселенія; южно-степныя полосы не представляли такихъ удобствъ для отшельнической жизни. Поэтому, за

[1]) Метр. лит. запис. книга III.

[2]) См. Ак. ю и з. Р. том, I, №№ 15, 17, 18, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 30, Ак. зап. Р. I; № 6, 22, 36, 44, 45, 46, 53; и настоящаго тома №№ I—III.

немногими исключеніями, мы не видимъ здѣсь основанія новыхъ монастырей. Здѣсь древніе монастыри, преимущественно Кіевскіе, получали отъ великихъ князей и ихъ намѣстниковъ пустынныя земли для промышленной эксплоатаціи. Во главѣ ихъ, по отношенію къ южнымъ степямъ, стоитъ Кіевскій Николаевскій Пустынный монастырь. Его владѣнія шли преимущественно къ югу, тогда какъ Печерскій монастырь распространялъ свои частно-владѣльческія права на болѣе населенныя мѣстности сѣверной Кіевщины и Черниговскаго заднѣпровья. Монастырь Никольскій можно признать первымъ частнымъ владѣльцемъ въ Запорожьѣ: по одной грамотѣ Остафія Дашкевича [1]), уже въ то время права этого монастыря въ тѣхъ мѣстахъ были старинными, которыя надо было возстановлять при помощи старожильцевъ. По приказанію великаго князя, Дашкевичъ „разспрашивалъ боярь и мѣщанъ Черкасскихъ и козаковъ старыхъ о тѣхъ уходахъ въ Бѣлобережьѣ, бобровыхъ и рыбныхъ гонахъ по озерамъ, которые даны на монастырь Пустынскій еще при первыхъ державцахъ Черкасскихъ, и по какія мѣста простирается „знамя“ тѣхъ уходовъ. Опрашиваемые показали, что „знамя этихъ уходовъ, идучи на низъ, – по Ерданъ, да по Мачину, а на верхъ идучи—по Быстрицу“. Монастырь учреждалъ намъ промысловыя заведенія, которыя, мало по малу превращались въ поселенья.

Чрезъ всѣ указанные способы колонизаціи въ Кіевскомъ княжествѣ распространялось населеніе, исключительно русское. Поименныхъ переписей населенія отъ того времени не сохранилось до насъ; однако нѣкоторыя указанія и этого рода есть; такъ по упомянутой выше „Записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ“, населеніе, обложенное данью, перечисляется такъ: Микула съ сыномъ, Павелъ съ дѣтми, Левонъ

[1]) Хранящійся въ архивѣ Кіевской коммиссіи и имѣющей войти въ составъ издаваемыхъ ею актовъ о засесеніи.

Станѣевичъ, Кузма, Павелъ, Захарья, Ходыка, Агафоникъ, Петръ Дьяковъ, Ондрѣйко, Ходоръ, Савостьянъ, Ивановы дѣти, Василь и пр. [1]). Впрочемъ въ данномъ случаѣ и сомнѣваться нельзя о національности всѣхъ жителей, поименованныхъ въ „записи", ибо въ ней рѣчь идетъ о десятинѣ въ пользу Софійскаго монастыря. Въ древнѣйшей кіевской люстраціи также упоминается о софійской десятинѣ. Однимъ изъ главныхъ землевладѣльцевъ были православные монастыри.

Что касается до свѣтскихъ владѣльцевъ, то ихъ русская національность также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что видно уже отчасти изъ именъ и фамилій, приведенныхъ выше. Новое землевладѣльческое населеніе Браславскаго повѣта при Свидригайлѣ не есть сбродъ польско-татарско-русскій, а исключительно состоитъ изъ русскихъ элементовъ; такъ въ грам. 1431 г. перечисляются: Карпъ Ивановичъ Микулинскій, Тихонъ Слупиця, Василь Омелковичъ, Семенъ Юзыповичъ, Максимъ Тымковичъ, Ярмола, Евсей, Кмыта. Бояре Хмѣльницкіе, упоминаемые тамъ же, суть: Васко, Кондратъ, Евсей.—Несомнѣнно, что въ Кіевѣ, и можетъ быть въ другихъ городахъ Кіевскаго княжества, были отдѣльныя лица и даже учреждены католико-польскія; но были здѣсь съ такимъ же значеніемъ, какъ и въ до-татарское время, благодаря вѣротерпимости русскихъ князей, т. е. существовали на ряду съ лицами и учрежденіями разныхъ другихъ національностей, будучи вовсе незамѣтными среди подавляющей массы туземной-русской націи. Такъ былъ въ Кіевѣ еще съ 1228 г. Доминиканскій монастырь, которому, однако, не оказывали особаго покровительства князья кіевскіе Владиміръ и Александръ Владиміровичъ, какъ ошибочно утверждаютъ польскіе писатели [2]).

---

1) Ак. З. Р. I. № 26.

2) Мнимая грамота Александра Владиміровича Доминик. монастырю 1411 г. напечатана митр. Евгеніемъ въ „Описаніи Кіево-

Далѣе, и представители католическихъ учрежденій южной Руси были по національности, или литовцы, или даже (хотя весьма немногіе)—русскіе [1]).

Сводя въ одно сказанное о заселеніи Кіевскаго княжества въ XIV и XV вв., получаемъ слѣдующіе выводы:

1) Литовское завоеваніе обезпечило (хотя и не вполнѣ) южную Русь отъ вліянія татарской власти на судьбу и характеръ ея населенія.

2) Сами литовцы не принесли въ южную Русь новаго этнографическаго элемента.

3) До нѣкоторой степени единство Литовскаго государства содѣйствовало національному объединенію сѣверо-западной Руси (Бѣлоруссіи) и юго-западной (Малороссіи).

4) Границы русскаго государства въ (частности Кіевскаго княжества) отодвинуты къ берегамъ Чернаго моря, чѣмъ пріобрѣтена новая территорія для русскихъ заселеній.

5) Въ XV в. дѣйствительное заселеніе южныхъ степей совершаемо было русскими князьями путемъ военной, городской, крестьянской, землевладѣльческой и монастырской колонизаціи, причемъ главная заслуга принадлежитъ Витовту и Олельковичамъ.

6) Колонизаціонное движеніе въ степи не только совершаемо было русскими государственными силами, но и изъ племенныхъ элементовъ исключительно русскихъ, безъ пособій со стороны какой-либо сосѣдней націи.

Софійскаго собора". И. И. Малышевскій совершенно справедливо отвергаетъ ея подлинность, ибо Александръ сдѣлался кіевскимъ княземъ лишь съ 1440 года; см. „Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли русской". Кіевъ 1867 г., стр. 95 и слѣд.

[1]) См. списокъ католич. кіевскихъ епископовъ у М. А. Максимовича: „Нѣчто о землѣ Кіевской" (Украинецъ, 1864, стр. 8).

IV.

Обращаясь къ судьбѣ населенія Волыни и западной Подоліи въ XIV—XV в.в,, находимъ, что въ общемъ составъ и движеніе населенія въ этихъ странахъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ характера и распространенія насесенія въ Кіевскомъ княжествѣ. Но внутренній и и внѣшній ростъ русской націи здѣсь (именно въ западномъ Подольѣ) идетъ медленнѣе; естественное развитіе его задержано отношеніями къ Польшѣ, сначала въ силу захватовъ Казиміра Великаго (въ 40-хъ годахъ XIV в.), потомъ въ силу личной уніи правящихъ лицъ литовскаго государства и Польши.

Одновременно съ завоеваніемъ литовцами южной Руси, совершается завладѣніе нѣкоторыми частями ея со стороны Польши, съ результатами весьма различными (и даже противуположными) для дальнѣйшей національной судьбы Руси. Польскій король Казиміръ В. завладѣлъ Галиціею около 1340 г. Сколько можно заключить изъ спутаннаго разсказа Длугоша, этотъ захватъ совершился въ нѣсколько пріемовъ: походъ въ апрѣлѣ 1340 г. сопровождался занятіемъ Львова; второй походъ того же года имѣлъ послѣдствіемъ занятіе Владиміра Волынскаго; новый походъ привелъ къ захвату Перемышльскаго, Галицкаго, Саноцкаго, Любачевскаго и Теребовльскаго округовъ, а также къ занятію Луцка, а равно и опять Владиміра Волынскаго (обстоятельство указывающее на то, что мнимыя завоеванія Казиміра были набѣгами, повторяв-

шимися нѣсколько разъ на одни и тѣ же мѣста, и что захватъ Волыни не былъ прочнымъ государственнымъ присоединеніемъ ея къ монархіи Казиміра).—Въ виду этого мы не считаемъ существеннымъ для дѣла вопросъ о томъ—завладѣлъ ли тогдаже Казиміръ и западнымъ Подольемъ (т. е. Днѣстровскимъ Понизьемъ), что утверждаетъ Длуготъ и съ чѣмъ не соглашаются русскіе писатели. Набѣги на эти земли польскій король могъ совершить безпрепятственно, ибо защищать полу-пустынную мѣстность было некому; здѣсь предлежало не заманчивое владѣніе готовыми поселеніями и богатыми мѣстностями, а тяжкій трудъ заселенія и освобожденія страны отъ власти татаръ. Мы считаемъ возможнымъ признать показанія Длугоша [1]), и потомъ на этой странѣ провѣрить колонизаціонныя способности польскаго государства и польской націи, такъ какъ Понизье есть собственно часть Галиціи и колонизація Днѣстровскихъ степей лежала на обязанности того, кто владѣлъ Галиціею.

Возвращаясь къ Волыни, находимъ, что здѣсь одновременнно распространялась власть литовскихъ князей послѣ похода Гедимина; два завоевательныхъ потока должны были столкнуться на этой почвѣ. Разрѣшеніе этой коллизіи можно прослѣдить по уцѣлѣвшимъ до насъ договорамъ между литовскими князьями и Казиміромъ.

Волынь досталась по смерти Гедимина (въ 1340 году) сыну его Любарту, котораго владѣнія далеко не были такъ прочны и обезпечены какъ владѣнія Владиміра кіевскаго. Польскій король простиралъ свои притязанія гораздо дальше Галиціи: по договору 1340 года на долю волынскихъ князей досталась вся Волынь и Берестье и восточная часть Галиціи (Бѣльзъ, Холмъ) [2]). Въ 1343 году „Даніилъ Острож-

---

[1]) См. Н. П. Дашкевича: „Замѣтки“, стр. 24.

[2]) См. Даниловича: Skarb. Dypl. I. № 361.

скій и другіе русскіе князья, видя, что ляхи многихъ уже прельстили въ свою вѣру, взбунтовались и призвали множество татаръ на Польскую землю; но король Казиміръ не пустилъ ихъ чрезъ Вислу“ (густын. лѣт.). По договору 1366 г. литовскіе князья (съ Ольгердомъ во главѣ) должны были уступить Казиміру не только всю Галицію, но и западную часть Волыни, т. е. стольный городъ Владиміръ съ его округомъ, а также Кременецъ; впрочемъ городъ Владиміръ былъ тогда же переданъ Коріатовичу. Во владѣніи Любарта остается лишь Луцкъ и его округъ (Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонное, Межибожье) и нѣкоторая часть округа владимірскаго (Ветлы, Любязь, Чернечьгородокъ, Камень и Мѣльница) [1]. Нельзя думать, что короткое хозяйничанье Польши въ западныхъ областяхъ Волыни могло оставить нѣкоторыя послѣдствія для этнографическаго состава тамошняго населенія. Откуда взяла густынская лѣтопись извѣстіе, что при Казимірѣ В. многіе русскіе были обращены въ католичество, не знаемъ. Думать, что уже тогда населеніе Волыни въ цѣломъ его составѣ потерпѣло какія-либо существенныя измѣненія, не позволяютъ послѣдующіе историческіе факты: западная часть Волыни, уступленная Польшѣ въ 1366 году, вскорѣ опять вошла въ составъ Литовскаго государства, именно въ 1370 году при великомъ князѣ литовскомъ Кейстутѣ. Если Галиція, до сихъ поръ остающаяся подъ непрерывнымъ 500 лѣтнимъ вліяніемъ польской національности, удержала русскую народность, то Волынь не могла потерять ее въ 3 года. Съ того времени Волынь (въ составѣ трехъ повѣтовъ: Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго) непрерывно остается за Литовско-русскимъ государствомъ, не смотря на новыя попытки завладѣнія со стороны Польши, вызванныя уніею 1386 года.

---

1) Ibid. № 432.

Личная унія 1386 года, не приведшая (какъ мы видѣли) никакихъ послѣдствій для населенія Кіевскаго княжества, столь же мало отразилась на національномъ складѣ Волыни. Волынь составляла отдѣльное княжество, нерѣдко претендовавшее на отдѣльную политическую роль въ самомъ Литовскомъ государствѣ; такъ было, когда ею управлялъ Витовтъ (въ 80 годахъ XIV в.), титуловавшійся великимъ княземъ, хотя еще не былъ возведенъ на Виленскій великокняжескій столъ. Столица его—Луцкъ конкурировала опять въ равенствѣ значенія съ Бѣлоруско-литовскою столицею. Соперничая со своимъ двоюроднымъ братомъ Ягайломъ, Витовтъ не уступалъ ни въ чемъ ему, какъ великому князю литовскому, а тѣмъ болѣе, какъ королю польскому. Въ силу этого, всѣ мѣры полонизма, которыя тогда предпринимаемы были съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ Вильнѣ (распространеніе католицизма чрезъ подарки и принужденіе, даже тѣлесное наказаніе, назначеніе на епископскія католическія каѳедры поляковъ, присвоеніе шляхетства только католикамъ, пріобщеніе панскихъ фамилій къ гербамъ польскимъ),—всѣ эти мѣры приводившія литовцевъ тотчасъ же къ усвоенію польской національности и католичества, не имѣли никакого успѣха въ южной Руси; въ актѣ Городельской уніи всѣ фамиліи, принявшія польскіе гербы, были литовскія, и ни одной южно-русской. Хотя князьями Волыни были католики (Витовтъ, а потомъ Свидригайло), но и они постоянно защищали интересы русской національности; сверхъ того Волынь нашла себѣ мѣстныхъ вождей въ знаменитомъ родѣ князей Острожскихъ, изъ которыхъ Даніилъ (какъ упомянуто) далъ отпоръ Казиміру Великому въ 1343 году.

Не видимъ нужды останавливаться долѣе на судьбѣ населенія Волыни, какъ страны центральной, въ которой русское населеніе возстановлено еще Даніиломъ; ссылаясь на то, что сказано о томъ выше, а равно и на свѣдѣнія о на-

ціональномъ составѣ высшихъ южно-русскихъ классовъ, также уже сообщенныя, переходимъ къ той странѣ, которая подлежала колонизаціи со стороны Галиціи и Волыни т. е. къ Подолію.

Если Казиміръ Польскій занялъ Подолье въ 1340 году, то любопытно, что сдѣлано Польшею въ промежутокъ польскаго владѣнія этою страною? Оказывается, что страна не только не была колонизуема, но и не была освобождена отъ татаръ до 60-хъ годовъ XIV вѣка.

Подолье находилось въ непосредственной власти татаръ до побѣды Ольгерда въ Синеводской битвѣ (ок. 1363 года) и до появленія тамъ Коріатовичей. Бѣлорусскія лѣтописи (Попова) разсказываютъ, что тогда князь великій Ольгердъ, „шедъ въ полѣ съ Литовскимъ войскомъ побилъ татаръ на Синей Водѣ, именно трехъ братьевъ: Хочибея, Кутлубуга и Дмитрія; эти три брата татары были отчичами и дѣдичами Подольской земли, а отъ нихъ завѣдовали атаманы и баскаки (которые) брали („удаючи“) отъ этихъ атамановъ дань съ Подольской земли (такъ переводимъ мы неясный текстъ: „приежъ удаючи отъ тыхъ атамановъ“). Въ то время братъ Ольгерда Коріатъ держалъ Новгородокъ Литовскій, и у него было 4 сына: Юрій, Александръ, Константинъ и Ѳедоръ; тогда эти 4 брата князья Коріатовичи, съ позволенія великаго князя Ольгерда и съ помощью Литовской земли, пошли въ Подольскую землю. Въ Подольской землѣ тогда не было ни одного города, ни рубленаго деревяннаго, ни каменнаго. Князья Коріатовичи, пришедши въ Подольскую землю, вошли въ пріязнь съ атаманами и начали оборонять Подольскую землю отъ татаръ и баскакамъ выхода не стали давать. Прежде всего они нашли себѣ крѣпкое мѣсто на р. Смотричи и построили городъ Смотричъ; на другомъ мѣстѣ были черницы на горѣ,—въ томъ мѣстѣ Коріатовичи построили („нарядили“) городъ Бакоту. Занимаясь охотою, случилось имъ загнать оленей въ тотъ островъ, гдѣ нынѣ лежитъ городъ

Каменецъ; тамъ они, вырубивши лѣсъ, построили каменный городъ—Каменецъ. Съ того времени они утвердили камменными постройками всѣ Подольскіе города и заселили („осѣли“) всю землю Подольскую.

Признавая этотъ разсказъ преданіемъ, записаннымъ при Витовтѣ, мы во всякомъ случаѣ должны признать за нимъ гораздо большую историческую вѣрность, чѣмъ за спутаннымъ разсказомъ Длугоша и Кромера [1]). Конечно, было бы странно видѣть въ приведенномъ разсказѣ дословно и фактически вѣрное (въ послѣдовательномъ порядкѣ событій) историческое свидѣтельство; въ немъ изложенъ общій ходъ долговременныхъ и разновременныхъ порывовъ литовско-русскаго государства въ юго-западный Днѣстровскій уголъ. Изъ этого разсказа очевидно только, что во времена владычества татаръ Подолье было заселено русскимъ племенемъ, которое жило въ открытыхъ общинахъ, управляемыхъ атаманами, что оно платило чрезъ баскаковъ дань татарскому княжескому роду, который (ср. извѣстіе Стрыйковскаго о татарахъ, вышедшихъ послѣ того изъ Подоліи въ Добруджу и говорившихъ славянскимъ языкомъ) обрусѣлъ до того, что одинъ изъ князей татарскихъ называется Димитріемъ, что Коріатовичи прибыли сюда вслѣдствіе ослабленія татаръ пораженіемъ ихъ отъ Ольгерда и что здѣсь они опирались на туземное-русское населеніе, завели прочную гражданственность (строили города) и заселяли край. Только тогда явились польскія притязанія на защищенный и умиротворенный уже край,—притязанія, выразившіяся то въ попыткахъ мирнаго присоединенія Подолья посредствомъ предполагавшагося (но не состоявшагося) брака

[1]) См. критическій разборъ сказанія у В. Б. Антоновича: „Очеркъ ист. в. кн. Лит.“; Н. П. Дашкевича „Замѣтки“; И. Молчановскаго: „Очеркъ извѣст. о Подольской землѣ“ и у Стадницкаго: „Synowie Gedimina“ и „Olgierd i Keistut“.

дочери Казиміра съ Константиномъ Коріатовичемъ, то во враждебныхъ столкновеніяхъ. До нѣкоторой степени поляки успѣли уже при Коріатовичахъ: Юрій и Александръ, сидя такъ далеко отъ центра Литвы, и такъ близко къ Польшѣ и Галиціи (уже принадлежавшей Польшѣ), вошли въ союзъ или подручничество къ Казиміру и стояли на его сторонѣ при попыткѣ Казиміра завоевать Волынь въ 1366 году, подкупленные обѣщаніемъ передать завоеванныя страны Волыни въ ихъ владѣніе, что дѣйствительно отчасти и исполнено, такъ какъ городъ Владиміръ, отнятый у Любарта, переданъ Александру Коріатовичу.

Не смотря на такое вліяніе Польши на Подолье въ XIV в., дѣло освобожденія и защиты страны отъ татаръ совершается не поляками, а подольскими князьями и русскимъ населеніемъ; въ битвѣ съ татарами погибъ Александръ Коріатовичъ.

Но Коріатовичи прославились не одною внѣшнею защитою страны, а внѣдряли въ нее и средства мирнаго гражданскаго процвѣтанія. Когда, послѣ ихъ владычества, въ 1493 году, Подолье превращено Витовтомъ въ провинцію Литовскаго государства, то оказалось, что страна эта уже вполнѣ благоустроенная: въ ней были города: *Каменецъ, Смотричъ, Червоногродъ, Скала, Бакота;* тогда еще къ ней причислялись и города Побужья (отошедшіе въ XV в. къ Кіевскому княжеству, а именно: Межибожъ, Божскъ, Винница, Сокольче и Браславъ). Когда и кѣмъ построены эти города въ бассейнѣ Днѣстра? Оставимъ въ сторонѣ свидѣтельство бѣлорусской лѣтописи, приведенное выше; допустимъ на время, что показанія ея о построеніи Смотрича, Каменца и Бакоты князьями Коріатовичами, суть позднѣйшія и тенденціозныя измышленія лѣтописца (чего, однако, въ дѣйствительности мы не думаемъ); для насъ остается довольно нехитрое средство открыть время основанія подоль-

скихъ городовъ, а именно слѣдующее: въ до-татарскую и татарскую эпоху мы не видимъ этихъ городовъ кромѣ Бакоты; въ 1395 году они существуютъ (какъ объ этомъ заявляетъ актъ 13 іюня 1395 года о пожалованіи западнаго Подолья Спитку); значитъ они основаны тогда, когда правили здѣсь Коріатовичи. Правда, въ до-татарскую эпоху могли существовать здѣсь и существовали другіе города; но несомнѣнно, что они послѣ Даніила пришли въ упадокъ, вслѣдствіе непосредственнаго хозяйничанья здѣсь татаръ, которые тогда еще не отвыкли отъ кочеваго образа жизни; для нихъ гораздо было легче держать въ своихъ рукахъ населеніе, живущее въ открытыхъ мѣстахъ, а не въ замкахъ. Городища (т. е. города въ развалинахъ) конечно оставались. Поэтому лѣтопись мало преувеличиваетъ, когда говоритъ, что Коріатовичи въ 60-хъ годахъ XIV в. не застали здѣсь ниодного города, ни рубленаго, ни каменнаго. Коріатовичи не только воздвигаютъ новыя укрѣпленія, но стараются вокругъ ихъ населить торгово-промышленныя общины; такъ въ 1374 году дана городу Каменцу грамота на магдебурское право, съ пожалованіемъ при этомъ городу земли и со льготою въ 20 лѣтъ (постоянный пріемъ тогдашней колонизаціи). Въ 1385 году дана была княземъ Константиномъ грамота краковскимъ купцамъ на право свободной торговли съ Подольемъ. Города упадшіе отдаваемы были частнымъ лицамъ для заселенія; такъ въ 1388 году пожалована была Немирѣ Бакота. Какія именно поселенія, кромѣ упомянутыхъ, могли существовать во времена Коріатовичей, опредѣлить трудно [1]). Свидѣтельствомъ вліянія Польши на

[1]) См. попытку въ соч. Zameczki Podoskie (Т. I. стр. 3) установить по названіямъ число селъ, которыя преобразованы изъ прежнихъ татарскихъ ауловъ: Татариска подъ Каменцемъ, Татариска или Мукаровъ въ ушицк. у., Татариска подъ Снитковомъ, Кочубеевъ. Котлубаевъ и пр.

Подолье при Коріатовичахъ можетъ служить грамота Юрія Коріатовича Смотрицкому Доминиканскому монастырю 1375 г.

Въ 1393 году Витовтъ, вездѣ стремившійся къ уничтоженію прежней удѣльной системы, силою занялъ Подолье и вскорѣ, т. е. до 1395 года, уступилъ западную половину Подолья королю Ягайлѣ, что польскіе писатели считаютъ „окончательною инкорпораціею Подолья Польшѣ". По русской лѣтописи. Витовтъ „заложилъ" часть Подолья королю Ягайлу за 20 тысячъ, слѣдовательно отнюдь не совершилъ государственнаго отчужденія территоріи. Такое сказаніе совсѣмъ не представляется намъ наивнымъ; залогъ былъ возможенъ и существованіе его подтверждается послѣдующей судьбой Подолья, т. е. обратнымъ выкупомъ ея [1]). Можно думать, что Витовтъ хотѣлъ такою уступкою пріобрѣсти хотя временную дружбу польскаго короля и заручиться его содѣйствіемъ предъ рѣшительною борьбою съ татарами, которая и разразилась на Ворсклѣ. Что Подолье было уступлено не Польшѣ, а лично королю (который сдѣлался чрезъ то совладѣльцемъ Витовта въ великомъ княжествѣ), это доказывается тѣмъ, что король, перепродавши свои права на Подолье п. Спитку, передалъ ему эту страну cum pleno jure ducali, quo *ceteri* nostri duces *Lituanie et Russie* frui soliti sunt. Такимъ образомъ Спитко сдѣлался однимъ изъ владѣльцевъ великаго княжества [2]).

Польскій магнатъ Спитко дѣйствовалъ не въ качествѣ провинціальнаго правителя польскаго государства, а вассальнаго князя; въ битвѣ на Ворсклѣ онъ явился въ войско

---

[1]) Въ то время впрочемъ всякое отчужденіе недвижимости (не только залогъ и продажа, но и пожалованіе) предпологало возможность обратнаго выкупа, для чего въ актѣ отчужденія обыкновенно ставилась заранѣе условленная сумма выкупа.

[2]) Ср. Молчановскаго: „Очеркъ" стр. 236 и сл.

Витовта, гдѣ и погибъ (въ 1399 году), послѣ чего Подолье перешло къ Свидригайлу, и наконецъ ок. 1410 года окончательно уступлено Ягайломъ Витовту. Тѣмъ и кончилась „окончательная инкорпорація" Подолья Польшѣ.—Непродолжительное господство польскаго вельможи въ зап. Подольѣ выразилось въ раздачѣ селеній и городовъ полякамъ и разнымъ западнымъ авантюристамъ [1]), которые потомъ взялись измѣннически передать полякамъ Каменецъ. Но такая раздача польскимъ шляхтичамъ населенныхъ мѣстъ отнюдь не означаетъ колонизаціи страны, какъ акта государственной мудрости и организаторскаго генія Польши. Между тѣмъ польскіе писатели именно выставляютъ Казиміра В. и Ягайла колонизаторами Подолья; послѣдній (будтобы) „признавая необходимость колонизаціи, отдавалъ заслуженнымъ людямъ урочища и рѣчныя прибрежья" [2]). Но всѣ указываемые на то факты относятся къ правленію Витовта: такъ „въ лѣсной глуши появляется Карачевъ (впослѣдствіи Корчмаровъ), обитатели котораго заложили потомъ (будтобы) укрѣпленный замокъ *Шарогродъ*" (но это перетолкованный фактъ пожалованія Витовтомъ Княжей Луки: см. ниже). „Надъ Мурахвой Язловецкіе основали Копыщинъ и м. Мурахву" и т. д. Во всякомъ случаѣ полякамъ уже тогда удалось внѣдрить въ западное Подолье нѣсколько шляхетскихъ польскихъ фамилій, которыя сослужили Польшѣ добрую услугу во время борьбы за Подолье по смерти Витовта. Польша ввела въ Каменецъ католическаго епископа, который сдѣлался впослѣдствіи главою заговора для отторженія Подолья; въ населеніе Каменца прибыло нѣсколько мѣщанъ—поляковъ. Вотъ все, чѣмъ ограничиваются успѣхи польской колонизаціи; о населеніи пустынь при этомъ нѣтъ и рѣчи.

---

[1]) Напр. Ходьку, родомъ изъ Кроаціи (с. Ярмолинцы), Фредруизъ Плешавицъ и др. Польскіе старосты также не упускали случая обзавестись тамъ владѣніями (напр. Петръ Шафранецъ);

[2]) Zameczkie Podolskie T. I str. 3.

Дѣйствительное заселеніе пустынныхъ окраинъ Подолья (послѣ Коріатовичей) принадлежитъ Витовту. Двадцатилѣтнее управленіе Витовта (1410—1430 года) должно быть признано самою знаменательною эпохою колонизаціи этой страны; а именно ему принадлежитъ основаніе укрѣпленій, выдвинутыхъ имъ до самаго Чернаго моря; особенно важно построеніе замка у устья Днѣстра (*Черный городъ*), въ мѣстности „гдѣ не было для постройки ни камня ни лѣсу“, по свидѣтельству Ляннуа. Для постройки его употреблено 12,000 работниковъ и вывезено изъ—внутри государства 4000 повозокъ съ строительными матеріалами; замокъ воздвигнутъ въ одинъ мѣсяцъ. Распоряжался постройкою Подольскій намѣстникъ Витовта Гедыгольдъ. При Витовтѣ находимъ здѣсь и другіе замки, не упоминаемые при Ольгердѣ и Коріатовичахъ, а именно: *Караулъ* на Днѣстрѣ, а равно уже извѣстные намъ города Побужья и стоявшіе по берегу Чернаго моря. Ко временамъ Витовта можетъ быть отнесено начало поселеній, упоминаемыхъ въ 1-й половинѣ XV вѣка: *Жванца* (упом. 1431 года), *Рва* (впослѣдствіи—Баръ, съ 1451 года), *Гольчедаева*, *Олтушкова*, (уп. 1441 года).

При Витовтѣ въ западномъ Подольѣ идетъ такая же военно-землевладѣльческая колонизація, какую въ тоже время мы видѣли въ при-днѣпровсихъ и при-бужскихъ степяхъ. Въ 1383 году Витовтъ выдалъ привилегію Василію Корачевскому на право заложить село *Княжую Луку* „на мокромъ корени въ Подольской землѣ, въ Каменецкомъ повѣтѣ между рѣками Морашками до того мѣста, гдѣ впадаетъ Морашка Сенковская въ Морахву Великую“ [1]). Въ 1427 году Витовтъ даетъ Еську Нешевичу дворище *Ярополково* пустое „осаживати ему себѣ и распахивати ему себѣ“ [2]).—Такимъ

[1]) А. З. Р. т. I. № 5.

[2]) А. Ю. и З. Рос. т. I № 17. Г. Молчановскій („Очеркъ“, стр. 318, прим. 1) подобралъ изъ изданныхъ и неизданныхъ ак-

образомъ Витовтъ ограждалъ страну кольцомъ укрѣпленій, внутри котораго могло уже ютиться мирное населеніе и гражданственность. На его-же долю выпала и боевая защита страны при повторительныхъ нападеніяхъ татаръ, правда не всегда оканчивавшаяся удачею для литовскаго оружія.

По смерти Витовта въ 1430 году Польша не успѣла добиться отъ Литвы добровольной уступки Подолья, а потому тамошніе приверженцы Польши прибѣгли къ измѣнѣ, посредствомъ которой былъ захваченъ Каменецъ, а затѣмъ Смотричъ, Скала и Червоноградъ [1]). Но Свидригайло (новый великій князь литовскій) захватилъ самого короля въ Вильнѣ со всею его польскою радою и не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока король не далъ приказа своимъ подольскимъ старостамъ сдать города литовскимъ начальникамъ; но въ тоже время подольскіе старосты, кромѣ этого открытаго приказа, получили отъ короля и тайный—не сдавать страны. Война

товъ свѣдѣнія о слѣдующихъ селахъ, пожалованныхъ Витовтомъ въ западномъ Подольѣ: Ваську изъ Бучи: *Грушовецъ* (на Морахвѣ), *Берладка* (на Морашкѣ), урочище *Ладава*, *Бучневцы*, *Мордина;* Корачевскому: *Мукаровъ* и *Синяковцы*.

[1]) Польское правительство поспѣшило тотчасъ же начать раздачу населенныхъ мѣстъ Подолья польскимъ шляхтичамъ съ условіемъ непремѣннымъ (hoc tamen adjecto specialiter et expresso), „чтобы они лично жили на Подольѣ и защищали его всѣми способами", разумѣется противъ литовско-русскаго государства. Тогда розданы: Жванецъ (1431 г.), Вербка и Соботка (1431 г.), Шаровка, Зилинцы, Иванковцы, Прогинка, Борбурчинцы, Копыстинъ, Михайлово-дворище, Гарента и Ремешово-дворище (1440 г.), Дашкоро-дворище (1432 г.), Студеница (1432 г.), Ровъ (1435 г), Винировцы (1431 г.), Цвикловцы, Копыстеринъ, Устье, Верхняки, Гиньковцы, Угринковцы, Лисецъ, Михайловцы, Олтушковъ, Ивановцы, Кумановъ, Ушица, Кубановцы, Песецъ, Куча, Фурмановцы, Воеводинцы. (См. Молчановскаго: „Очеркъ", стр. 384—387, прим.) Въ 1442 г. Карaулъ, Черный городъ и Качибей отданы Бучацкому.

между Польшею и Литвою, возникшая вслѣдствіе такихъ дѣйствій Польши, ведена съ упорствомъ и ожесточеніемъ (при чемъ крестьянское населеніе держалось литовско-русской стороны, а шляхетское—Польши), пока наконецъ князь Ѳедоръ Несвижскій не отнялъ Подолья обратно у поляковъ: „Ѳедоръ..., держачи сторону Швидригайлову, добылъ Смотричъ, Браславъ и Скалу, замки подъ ляхами, а потомъ и все Подоле на Швидригайла до Руси вырвалъ у поляковъ“, —не смотря на то, что новый великій князь литовскій Сигизмундъ, послушное орудіе Польши, призналъ права ея на Подолье. Но такъ какъ Свидригайло вознаградилъ князя Ѳедора за эту услугу неблагодарностью, то онъ призналъ верховныя права Польши на Подолье, однако самъ остался правителемъ этой страны и Польша могла воспользоваться своими правами только послѣ его смерти. Но по смерти его большая часть Подолья досталась Литвѣ, а не Польшѣ, хотя обѣ стороны продолжали воевать за него и мечомъ и перомъ. Во всякомъ случаѣ, восточная часть Подолья, т. е. Побужье всегда и юридически и фактически оставалось за Литвою. Смуты, вызванныя борьбою за Подолье и ожесточенныя битвы того времени, отнюдь не содѣйствовали заселенію края, который безъ этихъ условій, конечно, вскорѣ сдѣлался бы богатѣйшею житницею Литовско-русскаго государства.

Сводя сказанное о населеніи Волыни и западнаго Подолья, получаемъ слѣдующіе выводы:

1) Въ судьбѣ населенія Волыни Польша вовсе не участвовала, ибо не владѣла ею.

2) Подолье, до прибытія Коріатовичей, было заселено русскими, а затѣмъ освобождено отъ татаръ и укрѣплено Коріатовичами.

3) Пятнадцатилѣтнее хозяйничанье польскаго магната (1395—1410 г.) на Подольѣ не есть инкорпорація этой

страны Польшѣ; но уже въ это время вошло въ составъ населенія по-днѣстровья нѣсколько польскихъ шляхетскихъ фамилій, чтó послужило потомъ источникомъ борьбы между Литвою и Польшею за Подолье и причиною многихъ бѣдствій для страны.

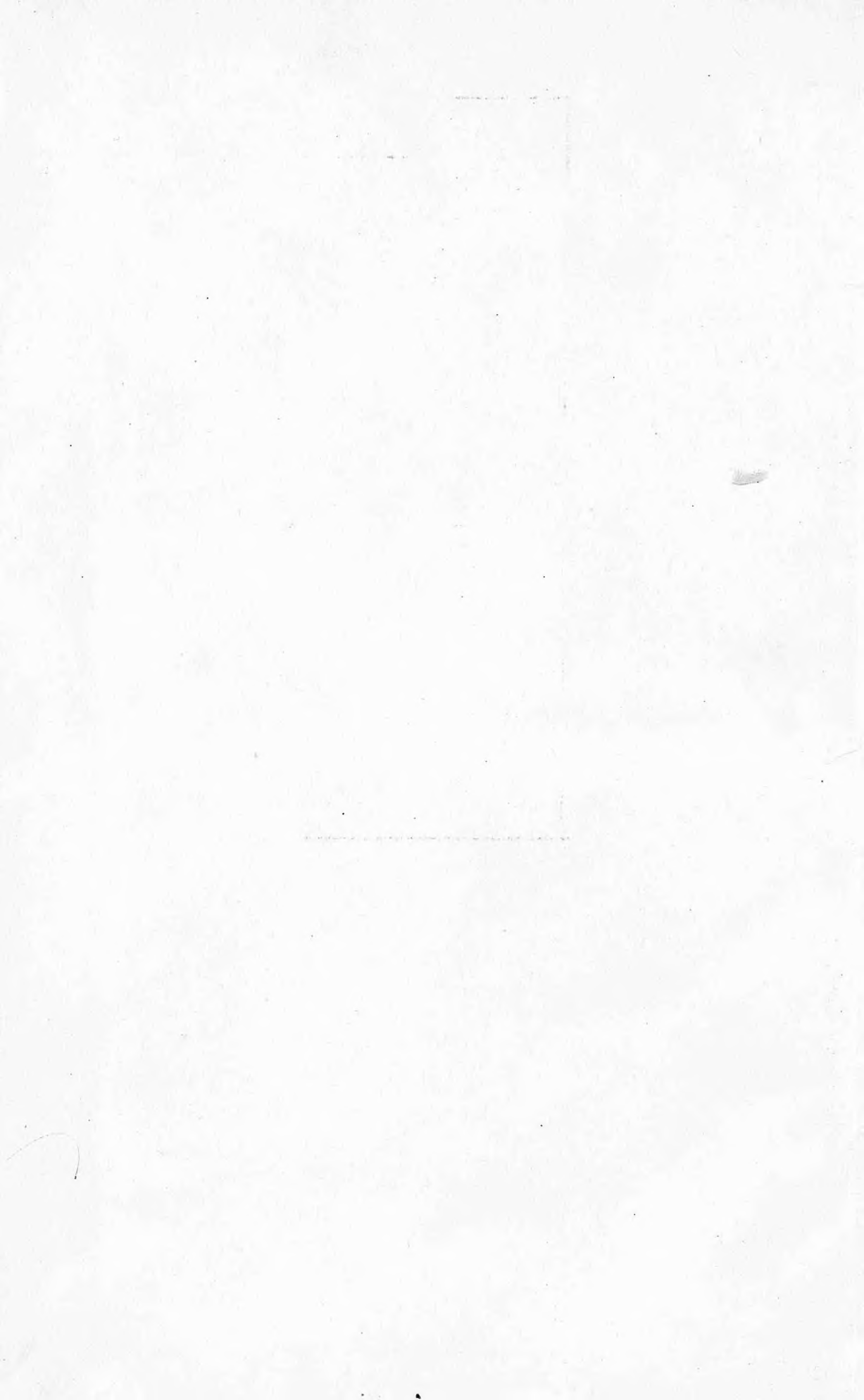
4) Дальнѣйшее заселеніе и укрѣпленіе Подолья (до устья Днѣстра) принадлежитъ Витовту (1410—1430 г.).

5) Борьба за Подолье съ Польшею по смерти Витовта содѣйствовала разоренію этой страны и задержала ея колонизацію. Раздача подольскихъ населенныхъ мѣстъ польскимъ шляхтичамъ, совершавшаяся тогда въ огромныхъ размѣрахъ, не имѣетъ ничего общаго съ колонизаціею страны.

М. Владимірскій-Будановъ.

1886 г.
Ноября 21.

Составленіе актовъ настоящаго тома принадлежитъ **В. Б. Антоновичу.**

СКАНИРОВАНИЕ ЭДД

ордер 1701, с. 247
24.10.07

ордер 1737, с. 248
26.10.07

ордер 143, с. 485, 502
17.02.09

